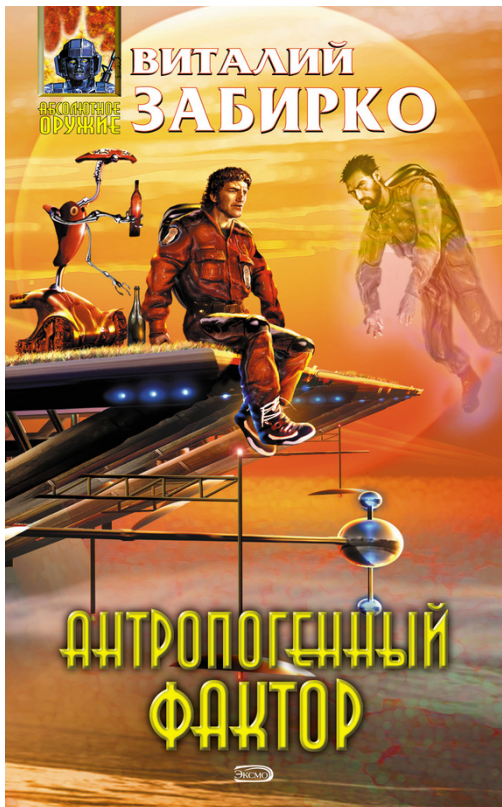

Виталий Забирко

Антропогенный фактор

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134183
Антропогенный фактор:

Аннотация

Планета Мараукан славилась своей непредсказуемостью. Следы исчезнувшей миллион лет назад цивилизации проявлялись здесь самым причудливым образом. Но не загадки древней истории привели сюда Вольдемара Астаханова. Его, планетолога и по совместительству агента Службы Галактической Безопасности, гораздо сильнее волновали события вполне современные. Например, почему практически каждый из поселенцев, возводивших на Мараукане туристический комплекс, имел двойника, «засветившегося» столетия назад на совсем другой планете в ходе загадочных событий, приведших к появлению во Вселенной новой Сверхновой...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	18
Глава третья	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Виталий Сергеевич Забирко

Антропогенный фактор

Глава первая

Грузопассажирский лайнер «Гауроби Астра» заходил к Мараукане по всем правилам навигации в неосвоенных звёздных системах: медленно, неторопливо, со стороны солнца – стабильного красного гиганта. И хотя на протяжении более трёхсот лет Мараукану не раз посещали исследовательские корабли Галактического Союза, капитан лайнера гауробец Паламоуши в доверительной беседе признался мне, что в этой звёздной системе никогда не позволит себе ни на йоту отступить от предписанных правил. Слишком непредсказуемы и сама планета, словно в насмешку признанная во всех логиях Галактического Союза мёртвой, и пространство вокруг неё. Цивилизация на Мараукане исчезла около миллиона лет назад, задолго до образования Галактического Союза, однако следы её деятельности до сих пор спонтанно проявлялись как на самой планете, так и в окружающем пространстве. По одной из гипотез, на Мараукане продолжали действовать самовосстанавливающиеся установки по преобразованию метрики пространства, по другой – вымершие обитатели планеты взломали пространственно-временной континуум, и теперь отголоски их некогда бурной деятельности доносятся к нам через сотни веков в виде внезапно возникающих гравитационных ловушек, провалов в пространстве, темпоральных сдвигов.

Издали Мараукана напоминала глазурированный малиновый диск с ультрамариновой каёмкой атмосферы без единого пятнышка облачности. По мере приближения малиновый цвет начал уступать место серому, стали видны ровные, явно искусственного происхождения плато, на которых всё отчётливей проступали глубокие каньоны тектонических разломов. У северного полюса, за идеальной, будто вычерченной циркулем, дугой горной гряды, поверхность казалась немного темнее – здесь плескалось прозрачное фторсиликоновое море.

Когда Мараукана разрослась на весь обзорный экран, я, наконец, увидел зелёную точку экспедиционной платформы, зависшую в сотне метров над поверхностью планеты и отбрасывающую на серое плато размытую тень. Лайнер изменил траекторию движения, перешёл на околопланетную орбиту, и точка экспедиционной платформы начала смещаться к эпицентру под ним.

Почему этот мир назывался Марауканой, справочники ответа не давали. Ни в одном из языков цивилизаций Галактического Союза, чьи корабли принимали участие в исследовании планеты, не имелось адекватного слова. Правда, по-несторийски «мара» означало «земля», но наиболее близкое по звучанию словообразование «Мараяванна» переводилось как «земля обетованная», что никак не могло соответствовать мёртвому миру. Бытовало мнение, что это самоназвание планеты, однако каким образом оно могло дойти до нашего времени, если обитатели планеты исчезли с её лица задолго до образования Галактического Союза, сведений не имелось. Ни в одной из исторических хроник различных цивилизаций не было зафиксировано контакта с марауканцами, и только обрывочные сведения, полученные от басторийцев, вроде бы подтверждали гипотезу, что имя Мараукана является самоназванием планеты. Но басторийцы не входили в Галактический Союз, всячески избегали прямых контактов с другими цивилизациями, никого не допуская в свой сектор расселения, и лишь изредка обменивались информационными сообщениями с Галактическим Союзом. Судя по косвенным данным (возрасту звёзд скопления Тириада, где обосновались басторийцы, и уровню разведанных технологий сообщения между звёздными системами скопления), цивилизация басторийцев была сравнительно молодой. Возраст цивилизации и расположение звёздного

скопления Тириада (находившегося в Галактике гораздо дальше от Марауканы, чем многие сектора расселения более зрелых цивилизаций), помноженные на ярко выраженную ксенофобию басторийцев, исключали возможность контакта с исчезнувшими представителями цивилизации Марауканы и ставили под сомнение и без того туманные сведения о самоназвании планеты, переводя их в разряд гипотетических. В общем-то, мне было всё равно, справедлива эта версия, или нет, но ни одним допущением: косвенным, гипотетическим, даже фантастическим – я не имел права пренебрегать. В моём положении всё могло пригодиться.

Когда исследовательская платформа оказалась точно под лайнером, «Гауроби Астра» выстрелил гравитационный якорь и, ощутило дрогнув корпусом, застыл над планетой. На экране, выплывая из трюма лайнера, показалась череда контейнеров, и они медленно, один за другим, заскользили по гравитационному лучу к экспедиционной платформе.

Пора. Через полчаса в хвосте этой череды пойдёт посадочная капсула со мной. Не очень приятная процедура, но на Мараукане опасались пользоваться межпространственным лифтом из-за нестабильных топологических характеристик.

Отключив обзорный экран, я встал с кресла и, выйдя из каюты, направился в трюм. К моему удивлению, кроме суперкарга, наблюдавшего за автоматической отправкой контейнеров, по причальной палубе, поджидая меня, прохаживался капитан. У гауробцев не принято прощаться при расставании, но капитан Паламоуши, более двадцати лет водивший корабли по галактическим трассам, хорошо знал обычаи землян и, видимо, решил выказать мне особое расположение. В этом рейсе я был единственным пассажиром, и мы с капитаном неплохо провели две недели полёта, коротая время за игрой в трёхмерные шахматы.

– Так мы с вами последнюю партию и не доиграли, – улыбнулся Паламоуши. – Не люблю оставаться в проигрыше.

В нашем мини-матче я вёл со счётом 6 : 5, но в отложенной партии капитан имел хорошие шансы сравнять счёт.

– Запишите позицию, и на обратном пути доиграем, – предложил я.

– Через год?

– Через год.

– Если доживём, – рассмеялся Паламоуши. При его росте под три метра, весьма скромном для гауробцев, и раскатистом утробном смехе, фраза прозвучала зловеще, но ни в коем случае не следует оценивать представителей иных рас с точки зрения человеческой психологии. Рокошущий смех и неприятный оскал означали у гауробцев добродушие.

– Обязательно доживём! – заверил я, но в груди непроизвольно разлился холодок. Всё-таки я человек, и ничто человеческое мне не чуждо. В том числе и стереотипы людской психологии, учитывая, где мне предстояло провести этот год. Дожить до обратного рейса очень хотелось.

– Ни пуха, ни пера, – сказал Паламоуши и протянул руку. – Кажется, так у вас говорят при прощании?

Не будучи уверенным, что капитан поймёт меня правильно, я не стал посылать его к чёрту.

– А вам – семь футов под килем! Так у нас говорят, провожая корабли.

Я подержался за его руку и отпустил. Пожать широкую, как лопата, ладонь гауробца не представлялось возможным.

– Счастливо! – кивнул Паламоуши и распахнул передо мной люк посадочной капсулы.

– Взаимно, – сказал я, вошёл в капсулу, повернулся и помахал рукой.

Люк затворился, прошипел гидравликой герметический створ, и я, усевшись в кресло, пристегнулся. Капсула дёрнулась, поплыла к шлюзу, а затем наступила невесомость.

Вестибулярный аппарат у меня весьма слабый, и я даже в малых дозах не переношу карусели, качели, морскую качку. То же самое касается и невесомости. Кое-кто испытывает

в невесомости чувство эйфории, но только не я. Какая-то эйфория, когда желудок подступает к горлу, голова кружится, в глазах начинает рябить, а в ушах шуметь?

В иллюминатор я старался не глядеть, чтобы от вида вращающейся внизу поверхности Марауканы не стало совсем тошно. Не хотелось на глазах у встречающих выбираться из посадочной капсулы на карачках. Не лучшая рекомендация для нового сотрудника.

Наконец послышался щелчок оболочечной мембраны, пропустившей капсулу в земную атмосферу над платформой, и через минуту капсула замерла. Вернувшаяся сила тяжести вжала в кресло, и я с облегчением перевёл дух. Однако вставать не торопился. Посидел немного, приходя в себя, вытер с лица обильный пот, и только затем отстегнул ремни безопасности.

И всё же, когда встал и, распахнув дверь, шагнул наружу, меня немного пошатывало.

Большое красное солнце стояло в зените, кое-где на фиолетовом небосводе проступали блеклые звёзды, и после яркого освещения внутри посадочной капсулы создавалось впечатление, что я вступил в мир вечных сумерек. Впрочем, по геологическим понятиям, для Марауканы так, фактически, и было.

Вопреки ожиданию, меня никто не встречал. Скорее всего, персонал находился на нижних ярусах, рассортировывая прибывшие контейнеры с оборудованием.

Я глубоко, с нескрываемым удовольствием, вдохнул земной воздух. Конечно, он тоже был искусственным, как и на корабле, но, в отличие от унифицированного для гуманоидов Галактического Союза состава кислородно-азотной смеси, в воздухе над платформой содержались микрокомпоненты, соответствующие составу земной атмосферы.

Плоский, как стол, верхний ярус платформы покрывал плотный ковёр зелёной травы, а по периметру располагались небольшие однотипные коттеджи для персонала. Зелёные островерхие крыши, коричневые, под цвет морёного дерева стены, белые наличники окон. Прямо-таки идиллический земной посёлок на краю Вселенной, если не знать, что располагается на нижних ярусах.

За спиной чавкнуло, и посадочная капсула начала медленно погружаться сквозь ярус, чтобы направиться в ангар. Я повернулся на звук и застыл как вкопанный.

Слева от посадочной капсулы, метрах в пяти, не отрывая от меня взгляда, вжимался в траву плейширский складчатокожий кугуар. Ничего общего с земными кугуарами, кроме короткой шерсти песочного цвета, он не имел: по внешнему виду напоминал большую плюшевую игрушку с растянутой в вечной улыбке беззубой пастью, придававшей морде умильное выражение, а висящая складками кожа вызывала обманчивое впечатление, будто зверь неуклюж и медлителен. На самом деле плейширский кугуар был свирепым хищником, а с виду вислая складчатая кожа являлась туго сжатой пружиной. В прыжке кугуар был молниеносен и мог проглотить человека в одно мгновение, растягивая своё тело, как эластичный мешок.

Но откуда на платформе взятась складчатокожему кугуару? Неужели это выверты ветхозаветной аппаратуры марауканцев, перебросившей сюда зверя с Плейширы? На виртуальный мираж кугуар никак не походил...

– Не бойтесь, – сказал кто-то сбоку, – это не настоящий зверь, а биоэнергетический имитант. Ни прыгать, ни глотать вас не будет. Лежит на солнышке, насыщается энергией.

Посадочная капсула уже скрылась внутри платформы, люк зарос травой, будто его и не было, а напротив меня стоял невысокий, лысоватый мужчина в оранжевом комбинезоне. Всё-таки меня встречали. Слишком долго я приходил в себя внутри посадочной капсулы, и, видимо, человек от скуки прохаживался вокруг неё.

– Вы, как понимаю, наш новый сотрудник? – спросил он. – Вольдемар Астаханов? Здравствуйте.

– Добрый день. А вы – медиколог Рустам Борацци?

Я пожал протянутую руку.

– Он самый. Знакомились с представительскими досье контингента «Проекта «М»?

– Как водится, – пожал я плечами. – Надо же знать, с кем предстоит работать.

– Бывали на Плейшире?

Мою руку Борацци не отпускал, пытливо заглядывая в глаза.

– С чего вы взяли?

– Вы – единственный, кто отреагировал на складчатокожего кугуара как на хищника.

Я рассмеялся.

– Для этого не обязательно посещать Плейширу. Моё хобби – фауна иных планет. На досуге просматриваю видеозаписи.

– Да-а?.. – недоверчиво протянул Борацци. Мою руку он, наконец, отпустил, но по-прежнему с прищуром смотрел в глаза. – Судя по вашей бледности, я бы сказал, что столь сильная реакция не соответствует знакомству с плейширским хищником исключительно в голографическом виде. Так испугаться может только человек, встречавшийся с вислокожим кугуаром один на один в естественных условиях.

Высказывание медиколога мне не понравилось. Что это ещё за допрос с первых шагов по платформе? На что он намекает?

– А вы всех новоприбывших встречаете с кугуаром? Кстати, не вислокожим, а складчатокожим. Это что – тест? Тогда позвольте поинтересоваться на что?

– Ни на что, – в свою очередь рассмеялся Борацци. – Случайно получилась. Что касается названия, то, насколько мне известно, допускается как то, так и иное определение. Эта искусственная тварь бродит по платформе, как кошка, сама по себе, и только на ночь приходит ко мне в коттедж.

– В таком случае для каких целей вы её создали?

– Скажу правду, смеяться будете, – поморщился Борацци.

– А вы рискните.

– Я её использую исключительно в качестве подушки. Удобно, знаете ли... Терморегуляция у неё настроена идеально.

Ответ был настолько несуразен, что я поперхнулся и с трудом удержался, чтобы не расхохотаться. Бывают, однако, причуды!

– Я же говорил... – скривился Борацци.

– Да бросьте вы! – отмахнулся я. – У каждого свои недостатки. Например, моя бледность не имеет никакого отношения к испугу. Я хронически переношу невесомость.

Медиколог «Проекта «М», несомненно, обязан был знать о моём недостатке, но я, чтобы сгладить ситуацию, выдал это, как тайну личности.

– Да? – Борацци вновь заглянул мне в глаза, и по его лицу я понял, что в данный момент он прокручивает в голове данные из моей медицинской карты. – А почему драматизм не приняли?

– Принял, – машинально солгал я, поскольку человек с моим вестибулярным аппаратом не мог не принять лекарство. И только тогда сообразил, какую глупость сморозил.

– И не помог? – удивился Борацци. В его глазах плескалось открытое недоверие.

– Поздно принял, – вздохнул я, разведя руками. – Перед самой посадкой в капсулу. Забыл, что здесь нельзя пользоваться межпространственным лифтом.

Не ахти какое объяснение для человека с врождённым недостатком, но другого под рукой не оказалось.

– Бывает... – неопределённо протянул медиколог, и по тону чувствовалось, что в мою забывчивость он не очень-то поверил. – Идёмте, покажу ваш коттедж.

Он направился к крайнему домику, и я последовал за ним. Не по душе мне было новое место работы ещё на Земле, но что вот так, чуть ли не допросом с пристрастием, меня встретят по прибытии, никак не ожидал.

– В ушах не шумит? – профессионально поинтересовался Борацци.

– Есть немного, – кивнул я. И в этот раз сказал правду. Похоже, с моими новыми коллегами нужно быть предельно осторожным, и расслабляться не следовало ни на секунду.

– Тогда остановитесь, прислушайтесь.

Я послушно остановился.

– Это не кровь в ушах шумит, – объяснил медиколог. – Внимательно прислушайтесь.

Шум в ушах стоял необычный, он накатывался то усиливающимся, то стихающим шорохом. Будто к уху приложили морскую раковину.

– Слышите?

Чтобы вновь не попасть впросак, я не стал ничего говорить и кивнул.

– Мы называем это марауканским прибором, – объяснил Борацци. – Акустическое свойство здешней атмосферы. В земном воздухе над платформой звук частично экранируется оболочечной мембраной и почти неслышим, но на поверхности планеты он гораздо сильнее и напоминает шорох волн по прибрежному песку.

Я снова покивал. Читал об этом свойстве, но не придавал должного значения. Теперь же, когда собственными ушами услышал марауканский прибой, на душе стало тоскливо. Мало радости круглый год, изо дня в день, слышать монотонный шёпот волн несуществующего океана.

Борацци обернулся, и его брови удивлённо взлетели.

– Это ещё что? – недоумённо спросил он и снова пристально уставился на меня.

Я оглянулся. За нами не спеша, сдвигая и раздвигая тело гармошкой подобно гусенице, следовал имитант плейширского складчатокожего кугуара.

– Что – что? – излишне резко переспросил я. Подозрительный тон медиколога начинал раздражать.

– Ни к кому из людей он не проявлял такого любопытства, как к вам. Только к биокиберам из-за своего с ними подобия.

Борацци недоверчиво оглядывал меня.

– Намекаете, что я – имитант? – натянуто усмехнулся я. Наглость медиколога переходила все границы. – За такие обвинения в средние века вызывали на дуэль.

– Привык говорить то, что думаю. И выяснять отношения напрямую, – сказал Борацци, сверля меня взглядом.

«Прямолинейность – сродни глупости», – чуть было не сказал я, но вовремя прикусил язык. Не стоило начинать знакомство с ссоры. Год нам вместе жить и работать.

– Должен вас разочаровать. Я – человек. Устраивает?

Всё же я не удержался и иронично заглянул в глаза Борацци.

Медиколог неожиданно смешался и отвёл взгляд в сторону.

– Да я, в общем-то, и не сомневался... – смущённо пробормотал он.

Кугуар приблизился ко мне вплотную и потёрся о колено. Будто громадная домашняя кошка, разве что не мурлыкал.

– Брысь! – поморщился я, подцепил его ногой и отшвырнул в сторону.

Борацци не обманул – ощущение при этом было такое, словно отфутболил большую мягкую подушку.

– Напрасно вы так, – неодобрительно покачал головой Борацци. – Теперь не отвяжитесь.

– Почему?

– Это же имитант, он боли не чувствует, всё принимает за игру.

Кугуар присел, вжался в траву, готовясь к прыжку.

– Нет уж, спасибо! – нервно рассмеялся я, отступая за медиколога. – С подушками играть не желаю!

– Куги, сейчас не время! – строго сказал Борацци и погрозил кугуару пальцем.

Имитант замер, но глаз с меня не сводил.

– Будет надоедать, погрозите пальцем, – объяснил медиколог. – Идёмте.

Мы подошли к коттеджу.

– Приложите ладонь к окошку у двери, – сказал он.

Я послушно приложил правую ладонь, зафиксировав в памяти электронного замка сканированный отпечаток своих хромосом. Теперь, по идее, без моего разрешения никто в коттедж войти не сможет. Хотя, если сильно захотеть, и к тому же кое-что знать и уметь, то проникнуть в помещение не составит особого труда. Причём так, что и хозяин не догадается о посещении коттеджа в его отсутствие.

– Располагайтесь, устраивайтесь, не буду мешать. – Борацци протянул руку на прощание. – А через час зайдите к коммодору, коттедж номер один, представьтесь.

Он развернулся и зашагал прочь.

– Куги, за мной! – приказал он, проходя мимо кугуара.

Имитант никак не отреагировал. Он по-прежнему не сводил с меня глаз и, вжимаясь в траву, крался в мою сторону.

Борацци приостановился, оглянулся.

– Эх, предатель! – в сердцах махнул он на кугуара рукой и пошёл дальше.

Я проводил медиколога взглядом. «Прямолинеен в суждениях, вспыльчив, не всегда толерантен», – вспомнилась характеристика из его досье. И это была не из худших характеристик на моих теперешних коллег. Да уж, контингент на платформе подобрался ещё тот...

Тут я заметил, что Куги вновь готовится к прыжку на меня, погрозил ему пальцем и поспешно скрылся за дверью коттеджа. Только игрищ с имитантом мне и не доставало! И откуда у него такая спонтанная любовь к незнакомому человеку? Впрочем, здесь я лукавил перед собой. Знал, откуда, но никому более об этом знать не положено.

– Добрый день, Вольдемар, – приветствовал меня секретарь коттеджа бесполым голосом. – С этой минуты и до срока истечения контракта вы являетесь полномочным и единственным хозяином этого коттеджа. Желаете ознакомиться с расположением комнат и обстановкой? Сейчас вы находитесь в холле...

– Я желаю, – оборвал я секретаря, – чтобы ты впредь выполнял чисто секретарские функции и подавал голос только в случае вызова меня извне, либо когда я сам к тебе обращусь. Понятно?

– Да, господин Астаханов. Принято к сведению.

– Не к сведению, а к исполнению! – повысил я голос.

– Будет исполнено, – индифферентно согласился секретарь.

– Вот и ладненько... – пробормотал я, оглядываясь по сторонам.

Внутри коттедж выглядел не в пример моей однокомнатной квартирке на Земле. Даже сравнивать стыдно. Просторный холл-гостиная, уютная спальня, multifunctional службы, но более всего поражали кабинет и лаборатория, оснащённые ультрасовременными приборами и новейшим оборудованием. Только сканирующий анализатор кристаллических структур горных пород стоил на порядок больше моего годового контракта, и это навело на невесёлые размышления. Такое оснащение никак не увязывалось с контингентом исследовательской платформы, в котором, включая и меня, не было высококлассных специалистов. Обычно фирмы, занимающиеся рекогносцировкой и обустройством планет под туристические комплексы, экономят на исследовательском оборудовании, но отнюдь не на специалистах. Настоящий профессионал и на устаревшем оборудовании, приобретённом за

бесценок, квалифицированно выполнит исследования, и это обойдётся фирме, несмотря на астрономические цифры в контракте, намного дешевле. Скупой платит дважды, но что-то не верилось в правомочность этой идиомы относительно намечаемых на Мараукане работ. С другой стороны, при моём возрасте следовало радоваться даже такому контракту, от которого опытные специалисты помоложе воротили носы. Но радоваться почему-то не хотелось.

– Прибыл ваш багаж, – сообщил секретарь.

– Где он?

– Лифт межярусного сообщения находится рядом с ванной комнатой. Вызвать биокибера, чтобы помог разгрузить?

– Сам справлюсь, – отмахнулся я и направился к лифту.

Однако, когда открыл дверь лифтовой кабины, невольно пожалел, что отказался от помощи биокибера. Кроме моих чемоданов, в кабине стоял двухметровой высоты контейнер с дополнительной аппаратурой для исследований. Тем не менее, я не стал обращаться за помощью, перенёс чемоданы в спальню, а затем занялся контейнером. Подвёл под него антигравитационную тележку, перевёз в лабораторию, и уже здесь принялся распаковывать аппаратуру, проверять её и подключать к общей сети.

Я как раз возился с настройкой ультразвукового зонда осадочных пород, когда вновь ожил голос секретаря.

– Напоминаю, через пять минут у вас должна состояться встреча с коммодором. Коттедж номер один.

– Спасибо, – буркнул я, отключил зонд и направился в ванную комнату мыть руки. Нельзя сказать, что выпачкался, настраивая аппаратуру, но чистые руки при первом знакомстве благотворно сказываются на дальнейших отношениях.

Однако первым подержался за вымытую руку вовсе не коммодор. Едва я вышел на крыльцо, как на меня из травы в порыве собачьей преданности прыгнул кугуар и игриво заглотил правую руку по самое плечо. Масса у него была небольшая, но сказался элемент неожиданности, и меня отбросило на дверь.

Я поднял руку и заглянул в искрящиеся радостью глаза кугуара. Имитант похрюкивал от удовольствия, дёргался всем телом, явно приглашая поиграть. Держался он крепко, но бережно, а внутри у него было тепло, мягко и сухо, как и положено у любого имитанта, не имеющего пищеварительного тракта.

– Вот что, Куги, – назидательно произнёс я, – ещё одна подобная выходка, и выверну наизнанку!

Чтобы не быть голословным, взялся за мягкие внутренности, крепко сжал их, но затем отпустил.

– Брысь!

Резким жестом стряхнул его с руки, погрозил пальцем и направился к коттеджу коммодора Ноуссона. Куги обиженно заскулил, но, похоже, моим нежеланием играть расстроился не очень, потому что последовал за мной.

Вот и ещё одна проблема на мою голову... Впрочем, почему ещё одна? Пока первая. То ли ещё будет... По сравнению с тем, с чем я предполагал столкнуться на Мараукане, проблема навязчивой преданности имитанта складчатокожего кугуара таковой вовсе не представлялась.

Коттедж коммодора находился на противоположном краю платформы и ничем не отличался от остальных однотипных домиков, кроме номера на фасаде. Я взошёл на крыльцо, но постучать не успел.

– Входите, открыто, – донеслось из динамика возле двери.

И я вошёл.

Если освещение снаружи напоминало преддверие сумерек, то в гостиной коттеджа царил полумрак. Я остановился на пороге, ожидая, пока зрение адаптируется к слабому освещению. Согласно представительскому досье, коммодор Ноуссон был родом с Маннаэяры – древней земной колонии с маленьким тусклым солнцем и достаточно суровым климатом.

Вначале мне показалось, что обстановка в гостиной ничем не отличается от обстановки в моём коттедже – мягкие диваны вдоль стен, пара журнальных столиков... Но тут краем глаза в ближнем углу за дверью уловил какое-то движение, повернулся и обомлел, увидев нечто несуразное.

В полуметре от пола на прикрепленной к потолку толстой цепи покачивалась большая клетка с металлическими прутьями толщиной в два пальца, в которой, переминаясь с лапы на лапу, восседал громадный, размером с телёнка, волосатый паук. Самым поразительным на его безобразном теле были глаза. Семь голубых, похожих на человеческие, глаз, без какой-либо симметрии расположенных на покато «лбу» головогруды, светились в темноте, но при этом были неподвижны, будто нарисованные и покрытые глазурью. Подобные стеклянные глаза я видел лишь однажды – в музейной экспозиции детских кукол времён Научно-Технической Революции.

– Не рекомендую подходить близко, – посоветовал из противоположного угла всё тот же голос, который приглашал войти. – Это не имитант, это – настоящий Араней. Идите сюда.

Оторвавшись от завораживающих глаз, я отвернулся и пошёл на голос. Зрение немного адаптировалось к полумраку, и я различил сидящего в кресле за журнальным столиком человека. Среднего роста, плотной комплекции, с бритой головой, в уже привычном глазу оранжевом форменном комбинезоне.

– С прибытием, Вольдемар, – привстал он, протягивая мне руку.

– Добрый день. Э... Коммодор Ноуссон?.. – с некоторым сомнением протянул я.

Он снисходительно улыбнулся и задержал мою руку в своей.

– Чтобы вы сейчас ни сказали, никогда не поверю, будто вы не удосужились ознакомиться с представительскими досье будущих коллег, – сказал он. – Присаживайтесь.

– Н-да... – стушевался я и, сев в кресло напротив, помотал головой. – Вид Аранея сбил с толку... Вы – Тулий Ктесий с земной колонии Новый Рим. Координатор работ, первый помощник коммодора Ноуссона.

– Надо же – со второго раза и угадали, – скептически поджал губы Ктесий. – Между прочим, у нас, на платформе, принято обращаться друг к другу по имени. Поэтому не коммодор Ноуссон, а коммодор Гримур. Он сейчас выйдет в холл. Что будете – водку, виски, коньяк?

Я мельком глянул на открытый бар и перевёл взгляд на журнальный столик. Перед Ктесием стоял высокий стакан с виски и кубиками льда.

– А кофе можно?

– Сразу видно неординарную личность! – опять съязвил Ктесий. – Можно. Со сливками? Без кофеина?

– Чёрный, натуральный, без сахара.

Он обернулся к автомату за спиной, выбрал кнопку, нажал и секунд через десять поставил передо мной чашечку кофе.

– Кофе аристонский, – сообщил он. – Лучший в обитаемых мирах. Его даже на Землю экспортируют.

Я не стал привередничать и тактично отхлебнул из чашки. По мне, лучшего кофе, чем зарекомендовавший себя в веках сорт арабика, быть не могло.

Ктесий пригубил виски и с прищуром посмотрел на меня.

– Давно замечено, что среди употребляющих чай много трезвенников, а вот среди любителей кофе – практически нет. Расслабьтесь, вне работы субординация у нас не соблюдается и алкоголь, как видите, не запрещён.

– Спасибо, нет. Мне как раз предстоит работать. Устанавливать и настраивать аппаратуру.

– Вольному – воля, – пожал плечами Ктесий. – Кстати, ещё одно замечание – наденьте форменный комбинезон и никогда не выходите из своего коттеджа в другой одежде. А ещё лучше и в коттедже будьте в комбинезоне.

– А как же несоблюдение субординации вне рабочего времени? – в свою очередь иронически поинтересовался я.

– О фантомах слышаны? Они никогда не бывают оранжевого цвета. Будет весьма прискорбно, если вас ненароком кто-либо подстрелит.

Я чуть не спросил: «У вас здесь что, одни неврастеники?» – но, наткнувшись на строгий взгляд Ктесия, промолчал. Будем считать это второй проблемой, причём гораздо более серьёзной, чем собачья преданность имитанта плеيشиского кугуара.

Из коридора донёсся звук размеренных шагов, и в холл вошёл коммодор. Не удостоив меня взглядом, он в раскорячку, на негнущихся ногах, подошёл к клетке и постучал ногтем по прутьям. Паук быстро, но бесшумно замельтешил лапами, словно обрадовался приходу хозяина. Коммодор тихонько посвистел и снова провёл ногтем по прутьям. Стоял он к нам спиной, и, честно говоря, я не был уверен, кто из них свистит – коммодор или паук. Со стороны посмотреть – милуется человек с любимой птичкой в клетке. «Птичкой», ничего, кроме омерзения, не вызывающей.

Внезапно паук снова замер, свист прекратился, и тогда коммодор отвернулся от клетки и направился к нам. Высокий, сухопарый, с непропорционально короткими ногами без стоп, он передвигался будто на ходулях – из-под штанин выглядывали странные костяные образования, чем-то похожие на раздвоенные копыта. Маннаэяра, родина коммодора, была одной из первых земных колоний, заселявшихся до открытия межпространственного перехода обыкновенными фотонными кораблями. Взять на борт большое количество переселенцев тогда не представлялось возможным, поэтому экспансия человечества в космос осуществлялась в виде замороженных эмбрионов и экипажа из десяти человек, выполнявших по прибытию в колонию роль воспитателей. Что случилось во время перехода от Земли к Маннаэяре неизвестно (некоторые антропологи считают, что произошло спорадическое облучение эмбрионов, другие – грешат на сбой в программе инкубатора), но когда корабль прибыл на Маннаэяру и воспитатели активизировали инкубатор с десятью тысячами эмбрионов, то все родившиеся мальчики (девочек это странным образом не коснулось) имели дефект «козлоногости», стойко передающийся по наследству. В скелете мальчиков полностью исчезли предплюсны, плюсны и фаланги стоп, берцовые кости в основании разошлись, так что образовали двупалые конечности с ороговевшими окончаниями. Генетика тогда ещё не достигла современного уровня, позволяющего устранять хромосомные aberrации, к тому же до открытия межпространственного перехода колонисты Маннаэяры почти четыре поколения находились в изоляции от метрополии. Поэтому, когда было налажено постоянное межпространственное сообщение между Землёй и Маннаэярой, колонисты, привыкшие к своему образу и подобию, категорически отказались от исправления уродливой мутации, даже несмотря на то, что девочки у них по-прежнему рождаются нормальными.

Основу переселенцев на Маннаэяру составляли скандинавы, однако коммодор Гримур внешне походил на американского индейца – прямые чёрные волосы, ниспадающие на плечи, горбатый нос, застывшие черты лица, чью невозмутимую суровость подчёркивала серая кожа – ещё одна отличительная черта колонистов Маннаэяры.

– Коммодор Гримур, планетолог Вольдемар, – представил нас друг другу Ктесий.

Коммодор молча пожал мне руку, сел напротив и раскрыл поданный Ктесием электронный блокнот. С минуту он читал, затем поднял на меня глаза.

– Вы в курсе, что во время прокладки туристических трасс придётся лазать по скалам? – спросил он, равнодушно пройдясь взглядом по моей отнюдь не спортивной фигуре.

– Да.

– А как же ваша высотобязнь?

– При заключении контракта мою высотобязнь посчитали положительным фактором для данной работы.

– Почему?

Вопрос прозвучал бесстрастно, и ни тени удивления не отразилось на застывшем лице коммодора.

– Потому что там, где пройду я, пройдёт и любой турист.

– Разумно, – согласился он и снова перевёл взгляд на блокнот.

Рано было начинать игру, однако я всё же рискнул и включил в себе обострённое восприятие эмоционального фона. Но, странное дело, ничего не уловил. Создавалось впечатление, что коммодор абсолютно равнодушен и ко мне, и ко всему окружающему. Такой же эмоционально инертный, как и выражение его лица.

С минуту он изучал моё представительское досье, затем закрыл электронный блокнот.

– Не понимаю, почему вы, человек зрелого возраста, да ещё такой профессии, до сих пор не избавились от столь нелепого недостатка? Насколько знаю, для генетиков это пара пустяков.

Только теперь я уловил отголоски эмоций коммодора. Но эти отголоски оказались весьма неожиданными. Не интересовали Гримура ни моя профессия, ни квалификация, и уж, тем более, мои врождённые недостатки.

– Почему не избавился? – Я постарался изобразить оскорблённую сдержанность. – По той же причине, по которой вы не устранили свою козлоноготь.

Выпад прошёл мимо цели. Не то, что недовольства не уловил, наоборот, почувствовал снисходительную иронию по отношению к себе. Будто я говорил не о нём, а о ком-то постороннем, чья козлоноготь для Гримура была в равной степени непонятной, как и мой неполноценный вестибулярный аппарат.

– М-да... – протянул он и обратился к Ктесию, словно меня здесь не было: – Не персонал, а какой-то паноптикум. И кто только его подбирает? Неужели не могли найти квалифицированных специалистов без изъянов?

Ктесий сочувственно кивнул и отхлебнул из стакана.

Я перевёл взгляд с одного на другого.

– Для того чтобы иметь высококлассных специалистов, им надо хорошо платить. Отнюдь не гроши. А так, как говорится в анекдоте: «умных к умным, а мне до тебе».

Но опять моё резкое заявление не оказало должного эффекта, и я почувствовал, что как одному, так и другому, безразлична квалификация подчинённых. И даже вроде бы, вопреки словесному утверждению, такой контингент их гораздо больше устраивал, чем любой иной.

– До mine, так до mine, – равнодушно согласился Гримур. – Завтра в девять утра приступаем к полномасштабным исследованиям. Мы и так отстали от графика на две недели из-за задержки вашего рейса.

– К задержке рейса я не имею никакого отношения! – возмутился я.

– Я тоже, – спокойно ответил Гримур. – Вы успеете к завтрашнему утру настроить и согласовать свою аппаратуру?

Я глянул в безразличные глаза коммодора и запнулся, поняв, что меня выпроваживают. И тогда обострённое восприятие эмоционального фона сыграло со мной злую шутку: полутёмный холл представился трюмом парусного корабля, козлоногий коммодор Гримур – пира-

том Сильвером, а клетка с пауком – клеткой с попугаем. Дикость какая! Я тряхнул головой и поспешно отключил обострённое восприятие эмоционального фона.

– Д-да, – запоздало ответил я. – У вас ко мне всё?

– Всё.

– В таком случае – до свиданья.

Я встал.

– До завтра, – отозвался Ктесий.

Гримур промолчал.

Резких слов для окончания неприятной аудиенции не нашлось, поэтому я молча развернулся и направился к выходу. Но, уже находясь на пороге, не смог удержаться от мальчишеской выходки – наверное, сказалась активизация повышенного эмоционального восприятия. Шагнул к клетке и, подражая стивенсовскому попугаю, прорычал в неподвижные, как и у его хозяина, глаза паука:

– Пиастр-ры!

Паук испуганно присел, и две капли мутно-зелёного яда, скользя с хелицер, упали сквозь прутья в стоящий под клеткой чернёный металлический поддон. Поза у паука была угрожающая, но голубые «человечьи» глаза продолжали смотреть то ли скорбно, то ли дóбро. Нет у пауков ни ресниц, ни век, и зрачки неподвижны, поэтому можно жестоко поплакаться, оценивая настроение членистоногого по разрезу глаз.

Я вышел на крыльцо, но перед глазами всё ещё стояла, словно фотографически отпечатавшись на сетчатке, клетка с Аранеем. И только тогда я осознал, что поддон под клеткой наполовину наполнен ядом, и, кажется, сделан из платины. Если это действительно так, то что же это за существо такое, чей яд обладает столь агрессивной реакционной способностью?

На пронзительно-ультрамариновом небосклоне сияло громадное красное солнце, под ногами расстился ковёр зелёной травы, и безмятежный пейзаж идиллического земного посёлка мгновенно развеял неприятный осадок после аудиенции у начальства. А вот излишняя чувствительность мне совсем ни к чему. Следует осторожнее пользоваться обострённым эмоциональным восприятием, чтобы самому не стать неврастеником. Кажется, их и без меня здесь предостаточно.

Поджидавший меня кугуар обрадовано прыгнул навстречу, но в этот раз не стал заглатывать мои конечности, а принялся, как кот, тереться о ноги. Видимо Борацци, создавая имитанта, существенно подправил психологию зверя, наделив его кошаче-собачими повадками.

Прекрасно понимая, что мне не удастся избавиться от него никаким способом, я не прогнал кугуара. Лучше дружить.

– Идём, Куги. Куда от тебя теперь денешься... – вздохнул я, потрепал его за загривок и направился к своему коттеджу.

Кугуар этакой гармошкой весело запрыгал вслед, заходя то справа, то слева. Только бы бывший хозяин не вздумал себе в утешение создать ещё какого-нибудь имитанта. Тот будет, когда новый имитант столь же бесцеремонно, как и плеиширский кугуар, переметнётся от Борацци ко мне...

Я представил в роли имитанта Аранея, как он трётся о мои колени, в порыве любвеобильности роняя на ботинки прожигающий их насквозь зелёно-белесый яд, и содрогнулся. Упаси, как говорится, боже от такой напасти!

В коттедж я Куги не пустил, хотя он самым наглым образом попытался проскользнуть мимо меня через порог.

– Иди, погуляй, сейчас ты будешь только мешать, – строго сказал я, отодвигая его ногой и захлопывая перед носом дверь.

Куги пару раз всем телом ударился в дверь, затем жалобно заскулил. Но я не смягчился. Стоит начать потакать имитанту, он и на голову сядет. Как в переносном, так и в прямом смысле. Учитывая его любовь к заглатыванию, процедура будет не из приятных.

Первым делом я переоделся, как рекомендовал Ктесий, в оранжевый форменный комбинезон и только затем направился в лабораторию. Но и здесь не сразу приступил к работе. Включив дисплей секретаря, прилепил ко лбу присоски мнемоскопирования и, закрыв глаза, воссоздал в памяти образ Аранея. Скрупулёзно осмотрев полученное на экране изображение, я немножко подправил его и запустил в информотеку запрос об идентификации. И только затем занялся своими прямыми обязанностями – установкой и настройкой аппаратуры.

Провозился я часа три, всё подключил, наладил и согласовал, причём, что удивительно, обошлось без единого сбоя и перенастройки. Приятно, всё-таки, иметь дело с новейшим оборудованием, срок гарантии на которое не истёк. Если бы и платили ещё соответственно...

Закончив наладку аппаратуры, я направился в душевую и только намылился, как секретарь сообщил, что поиск идентифицируемого объекта закончен и предложил подать информацию в виде проекции прямо в душевую. Возможно, в среде высокооплачиваемых специалистов и принято рассматривать голографические проекции интересующих проблем, сидя в ванне, подобно Архимеду, но я таким комфортом в своей однокомнатной квартирке на Земле отнюдь не избалован. Поэтому категорически отказался, спокойно закончил мыться, оделся, и только тогда вернулся в лабораторию, чтобы ознакомиться с результатами поиска.

В общем-то, я заинтересовался происхождением Аранея ради праздного любопытства, ничего конкретного не подразумевая. Однако результат поиска оказался обескураживающим. Оказывается, *Aranei*, по латыни, просто паук, но в то же время в изученной Вселенной именно такого существа, которое сидело в клетке у коммодора Гримура, не существовало! Секретарь представил объёмные изображения нескольких внешне похожих пауков и паукообразных из различных миров, среди которых, между прочим, оказался и земной *Lycosa singoriensis*, но все они размерами не превосходили двадцати сантиметров, к тому же никто из них не имел яда столь высокой агрессивной способности. Похожим ядом, представляющим собой смесь соляной и азотной кислот (в несколько иных пропорциях, чем в царской водке), обладали пауки-камнееды с Абдейры, но эти пауки достигали пятиметровой высоты, были чёрными, блестящими, с тонкими длинными ногами, которых, кстати, у них было двенадцать, а не восемь, зато глаз всего два, но громадных и фасеточных, как у насекомых.

Некоторое время я тупо смотрел на экран, пытаясь осмыслить представленную информацию, пока, наконец, в голове не родились вначале одна, а затем другая версии. По первой – коммодор Гримур вывез это существо с какой-то мало изученной планеты, на которой ему довелось побывать (предпосылки к этой версии имелись в досье коммодора). Но зачем? Чем Гримуру приглянулось это чудовище, чтобы вывозить его с планеты, а затем транспортировать сюда? По второй версии Гримур сам создал эту химеру путём генетических мутаций – но, опять же, зачем? Впрочем, мало ли что может прийти в голову человеку с наследственной злоногиестью.

Версии были неплохие, но в то же время настолько гипотетические, что в них не очень верилось. Скорее всего, была третья версия, но о ней я пока запрещал себе думать. Рано, ой как рано делать какие-либо выводы, пробыв на Мараукане всего-навсего несколько часов.

Я вычистил из памяти секретаря запрос о происхождении Аранея, затем выставил свой хронометр по марауканскому времени. В сутках Марауканы было двадцать шесть часов тридцать две минуты, но, в отличие от земных колоний, где сутки разбивались на двадцать четыре часа с укороченными или удлинёнными минутами, здесь два часа тридцать две минуты добавлялись после полуночи, после чего отсчёт времени начинался с нуля часов.

Своего рода узаконенная практика исследовательских экспедиций, состоящих из представителей различных земных колоний.

Выйдя в гостиную, я заказал секретарю бутерброды и приготовил кофе, с приятным удивлением обнаружив, что кроме аристонского в наличии имелся и мой любимый арабика. Откусывая от бутерброда и прихлёбывая из чашки кофе, я подошёл к окну.

На Мараукане наступал вечер. Громадное солнце, изменив красный цвет на фиолетовый, висело над горизонтом, обширная тень от соседнего коттеджа полностью закрывала лужайку, а на краю платформы, ближе к соседнему коттеджу, сидела, свесив ноги, светло-волосая хрупкая женщина. По стереофото из представительского досье это была Ютта Бригит, ксенолог, специалист по квазиорганическим формам жизни. Родилась на Нейстре, но после восемнадцати лет, когда улетела на Землю учиться в университете, никогда больше ногой не ступала на родную планету. Подавала, да и сейчас подаёт большие надежды стать крупным специалистом в своей области, но всё портит неуёмная, сродни цыганской, жажда перемен. Никогда более двух лет не задерживается на одном месте работы, постоянно колеся по Вселенной. Пожалуй, она была единственным специалистом из всего контингента «Проекта «М», достойным уважения за свои знания и опубликованные труды, несмотря на то, что публикации носили такой же рваный характер, как и её неприкаянная жизнь – доходчиво и толково она излагала факты, выдвигала на их основе гипотезы, а уж выводы предоставляла делать другим.

Доев бутерброды и допив кофе, я опустил чашку в утилизатор и снова глянул в окно. Ютта по-прежнему неподвижно сидела на краю платформы, и если бы не оранжевый комбинезон, её можно было принять за фантом.

Что ж, самое время знакомиться с соседями. Я погляделся в зеркало, причесался и вышел из коттеджа. К моему удивлению, Куги у порога не было. По всей видимости, в преддверии ночи вернулся к своему хозяину выполнять обязанности подушки. И к лучшему. Но в то же время вместе с облегчением, что имитант кугуара вернулся к Борацци, я испытал и затаённое чувство лёгкой горечи. Всё-таки велико в человеке чувство собственника по отношению к тем, кого мы приручили.

Обойдя коттедж, я вышел на лужайку между домами и остановился метрах в пятнадцати за спиной Ютты.

– Добрый вечер, соседка! – мягко, чтобы не испугать сидевшую на краю платформы женщину, поздоровался я.

– Вечер добрый, – чуть помедлив, ответила она, не изменив позы и не поворачивая ко мне головы. – С прибытием на Мараукану, Вольдемар.

– Спасибо, Ютта. Не боитесь упасть?

– Нет... – ответила она задумчивым голосом. – Здесь красиво...

Я невольно огляделся. Фиолетовое солнце коснулось горизонта, на тёмном небе высypали звёзды, а серо-белесое искусственное плато внизу будто клубилось туманом.

– Да, красиво, – согласился я.

– Если неподвижно сидеть, вглядываясь в плато, то можно кое-что увидеть... – продолжала она. – Присаживайтесь рядом.

Я сделал несколько шагов вперёд, но, почувствовав, как закружилась голова, остановился.

– Боюсь, ничего не выйдет.

– Почему?

Ютта, наконец, обернулась. В лучах фиолетового заката её лицо выглядело гораздо симпатичнее, чем на стереофото в досье. Только взгляд тёмных глаз был отрешённым, будто не от мира сего.

– Высотобоязнь, – вздохнул я.

– С ней надо бороться, – сказала она. – В юности я тоже боялась высоты, а теперь, как видите... Подходите, садитесь. Если вдруг свалитесь, ничего страшного не произойдёт – оболочечная мембрана подхватит вас и доставит на нижний ярус платформы.

Она отвернулась и снова застыла в отрешённой позе. Подойди я, сядь рядом, или развернись и уйди, она и не заметит. Возможно, и завтра не вспомнит.

Я закрыл глаза, глубоко вздохнул и сенсорно включив биочип под коленкой, немного подправил вестибулярный аппарат. Ничего, в общем, страшного – степень моей высотобоязни пока никто не фиксировал... А завести дружбу с Юттой мне не только хотелось, но и было необходимо.

Осторожно ступая, я приблизился к краю платформы, но последние метры из-за головокружения пришлось преодолевать ползком. Затем я сел, развернулся ногами вперёд и продвинулся на локтях к краю, пока ноги не свесились вниз. Пот заливал ничего не видящие глаза, голова кружилась, сердце бешено колотилось, в ушах шумело, и непреодолимая сила тянула спрыгнуть вниз. Однако статичность пейзажа, отрешённое спокойствие сидящей рядом женщины постепенно оказали на меня благотворное влияние. Сердце утихомирилось, голова почти перестала кружиться, и беспредельный ужас высоты сменился на странную смесь страха и восторга. Косясь на Ютту, я чрезвычайно медленно, миллиметр за миллиметром, выпрямился и постарался принять ту же позу, что и она.

И только тогда понял, что притягивало к краю платформы мятущуюся душу Ютты, что её завораживало. То ли перемещение по поверхности серого плато косых лучей заходящего солнца вызывало фантасмагорическое ощущение верчения каменной тверди, то ли восторженный ужас высотобоязни трансформировал восприятие в гипнотическую галлюцинацию, то ли под плато продолжали действовать искривляющие пространство установки вымершей цивилизации – но создавалось мистическое впечатление парения над вселенским Мальмстрёмом времён сотворения мира. И никак не меньше.

Не знаю, сколько я просидел, впад в зрительно-созерцательный транс, как вдруг почувствовал лёгкое прикосновение к локтю. Очнувшись, скосил глаза на Ютту, но она сидела неподвижно, с пустыми глазами, полностью выключившись из окружающего мира. А между нами осторожно, но настойчиво втискивался имитант складчатого кугуара. Сопя и пыхтя, он приподнял мой локоть, пролез под руку и успокоился только тогда, когда положил голову мне на колени.

Чтобы больше не поддаваться зрительному наваждению игры светотеней на плато, я склонился к кугуару и благодарно почесал складчатый загривок зверя. Куги посмотрел на меня преданным взглядом и шумно вздохнул.

Но если зрительно мне удалось избавиться от гипнотического транса, то со слухом ничего поделать не мог – в ушах шёпотом вечности звучала шелестящая музыка марауканского прибора.

Глава вторая

В эпоху начала освоения Пространства существовал закон, запрещающий публиковать данные о личности: внешний вид, возраст, психотип, характерные особенности, послужной список, семейное положение, увлечения, пристрастия... Дикий закон, якобы охраняющий права человека. Бедные предки – не представляю, как они жили, знакомились, поступали на работу? Я ещё понимаю, что различного рода заболевания могут составлять тайну личности, но и о них обязаны знать медики. В остальном же... Взять, хотя бы контингент исследовательской платформы на Мараукане, с представительскими досье которого я ознакомился по Галактической сети во время рейса. Теперь я знаю каждого из коллег в лицо, их привычки, уровень профессионализма, знаю, с кем и о чём могу поговорить на досуге, что и от кого следует ожидать в стандартных ситуациях и даже с высокой степенью вероятности предвидеть поведение в нестандартных... Весьма полезная информация, без которой на налаживание отношений и достижение взаимопонимания могут уйти если не годы, то месяцы. Как только наши предки обходились без этого?

Встав в семь утра, я позавтракал и, зайдя в кабинет, ещё раз проштудировал представительские досье, чтобы не ударить лицом в грязь при очном знакомстве. Четырнадцать человек из различных земных колоний: коммодор, координатор работ, навигатор платформы, инженер-биомеханик, архитектор, дизайнер, инженер-дорожник, маршрутный сценарист (как и дизайнер – представитель фирмы-заказчика, в чью компетенцию входили разработка и увязка будущих туристических маршрутов), два экзоархеолога (один специалист по гуманоидным цивилизациям, другой – по негуманоидным), физик-тополог (специалист исключительно по топологическим аномалиям материальных объектов), ксенобиолог, медиколог, планетолог.

Вчера я уже познакомился с четырьмя членами команды, и, по правде сказать, разве что общение с Юттой Бригит оставило хоть и двойственное, но, в общем, благоприятное впечатление. Сегодня предстояло знакомство с остальными.

Первым в списке значился Корти Ньюмен – навигатор платформы, пятьдесят восемь лет, уроженец колонии Астарда. Седой, благообразный, представительный, немногословный, бывший капитан грузопассажирского флота. Однако его представительность и благообразие были обманчивы, поскольку четыре года назад его уволили из флота за рукоприкладство. Будучи капитаном грузового лайнера, обожал строгую субординацию и наводил порядок на корабле не столько штрафными санкциями, сколько зуботычинами (естественно, о зуботычинах в представительском досье не было ни слова, но у меня имелись и иные, более обширные источники информации).

Марко Вичет, инженер-биомеханик, тридцать два года, считается выходцем из марсианской колонии, хотя на Марсе никогда не был. Небольшого роста, худенький, невзрачный блондин, волосы прямые, редкие, лоб с большими залысинами. Родился в космопорту Весты, где его мать, потомственная марсианская колонистка, работала по контракту диспетчером. Там же и воспитывался, учился в школе для детей персонала космопорта. Образование получил на Ганимеде, и настолько увлечён своей профессией, что нормально чувствует себя только в среде биокИБеров и биомеханических игрушек. Знает их устройство досконально, но в то же время является серым представителем многочисленной трудовой армии специалистов, которые «пороха не выдумают». В компании замкнутый, стеснительный, разговоры поддерживает только на производственные темы.

Хорхе Чивер, архитектор, сорок один год, родом из колонии Меченезе. Полноватый шатен среднего роста с невыразительным лицом. Чрезвычайно амбициозен, но абсолютно бесталанен – ни один из его архитектурных проектов никогда не был внедрён, возможно, из-

за его чрезвычайной набожности, так как во всех проектах он стремится внедрить элементы готических соборов. Нанят по контракту исключительно потому, что работа архитектора на Мараукане ограничивается компоновкой известных модулей зданий и сооружений туристических комплексов и не предполагает творческих изысканий.

Лю Джун, дизайнер, тридцать восемь лет, землянин, представитель туристической фирмы «Млечный Путь». Брюнет, среднего роста, щуплого телосложения, с тонкими, почти женскими, чертами лица. Необычайный аккуратист, почти на маниакальном уровне. По отношению к собеседнику держится свысока, подчёркнуто светски. Основные функции дизайнера на Мараукане – эстетическая оценка зданий и сооружений туристических комплексов.

Мари Нолао, инженер-дорожник, тридцать восемь лет, уроженка колонии Пиронезе. Худая, сумрачная шатенка, выше среднего роста. Умна, но в компании немногословна. Общения не избегает, но сама не навязывается, говорит только на темы собеседника, в свой внутренний мир никого не допускает. К обсуждению проектов дорожного строительства равнодушна, своё мнение держит при себе, поэтому прокладывает дороги строго по нормативной документации, не делая различий между многополосной эстакадой планетарного значения и мощёной тропкой на сельское кладбище. Страстная любительница голографических игр, которым посвящает всё свободное время.

Эстасио Мугаджи, маршрутный сценарист туристической фирмы «Млечный Путь», тридцать три года, землянин. Полноватый негр среднего роста, крашеный блондин. Экзальтирован, порывист в движениях, разговаривает скороговоркой, перескакивая с одной темы на другую, во время работы часто меняет мнение и никогда не бывает доволен результатом.

Тумаду Исорци, экзoarхеолог, специалист по гуманоидным цивилизациям, научный сотрудник Майлетского Ксеноисторического Центра, сорок восемь лет. Худой высокий брюнет, на морщинистом лице постоянное выражение брезгливости, взгляд тяжёлый. Сухарь и педант, обладающий энциклопедическими знаниями в области экзoarхеологии. Около пятидесяти изданных научных работ (по сведениям из других источников – в большей степени компилятивных и не представляющих никакой научной ценности). В общении высокомерен, подчёркнуто демонстрирует чувство собственного превосходства.

Леонора Мшински, экзoarхеолог, специалист по негуманоидным цивилизациям, младший научный сотрудник Майлетского Ксеноисторического Центра, сорок три года. Маленькая, полная женщина, шатенка с не по возрасту девичьими кудряшками. Улыбчивая, весёлая, говорливая, способная обсуждать любую тему, но на дилетантском уровне. На таком же поверхностном уровне находятся её выводы и заключения по профессиональным вопросам. Индивидуальных печатных работ не имеет, только в соавторстве.

Энтони Холодков, физик-тополог, аспирант Института Физики Пространства на Тантаре, двадцать шесть лет. Русский, курчавый, молодой человек среднего роста с приятным открытым лицом. Подаёт большие надежды как учёный-физик. На работу по низкооплачиваемому контракту согласился исключительно в целях сбора информации о нестабильном топологическом пространстве на Мараукане для докторской диссертации. Упрям, настойчив, вопреки внешнему виду нетерпим к чужому мнению. Ради поставленной цели готов на всё, вплоть до преступления (понятное дело, последние сведения взяты не из представительского досье).

И, наконец, четырнадцатый член «Проекта «М». Я перевернул страницу на дисплее.

Вольдемар Астаханов, планетолог...

Мгновенье я недоумённо смотрел на стереоснимок, затем расхохотался. Называется, доработался! Не хватало только законимться с личным представительским досье...

Отсмеявшись, я выключил дисплей и задумался. Прав был commodor Гримур, не контингент, а паноптикум. Что все вместе, что каждый в отдельности. Если почитать своё представительское досье, то и оно ничуть не лучше.

Был, правда, ещё пятнадцатый член «Проекта «М» – Уэль Аоруиной, каратоидянин, полномочный инспектор Галактического Союза, исполняющий надзорные функции за превращением в жизнь туристического проекта фирмы «Млечный Путь». Однако воочию встретиться с ним вряд ли придётся – он находился в герметичном отсеке с аммиачной атмосферой на третьем ярусе платформы. Ни внешность, ни его характер мне ни к чему – как говорится, ни водку пить, ни проблемы обсуждать совместно не придётся. Его функция – надзирать за соблюдением нормативных требований Галактического Союза к возведению туристических комплексов и в случае возникновения экстраординарной ситуации, либо приостановить выполнение проекта, либо потребовать его свёртывания.

И опять я лукавил перед собой, надеясь, что никогда не придётся сталкиваться с Уэлем Аоруином. Конечно, в моём возрасте приходится соглашаться на работу с мизерной зарплатой, но голова на плечах имеется, и разжижения мозга в ней пока не замечается.

Последние несколько десятков лет в обжитых секторах Галактического Союза наблюдался туристический бум, поэтому, вроде бы, ничего необычного проект фирмы «Млечный Путь» не представлял. Туристические фирмы различных рас усиленно расширяли сферу своей деятельности, возводя курортные комплексы на благоустроенных планетах, устраивая сафари на диких животных, организовывая вояжи по планетам с древними культурами... Однако проект организации туристического комплекса на Мараукане рассматривался в Галактическом Союзе десять лет, и столь длительное время утверждения объяснялось вовсе не бюрократическими проволочками. Утверждению мешали две немаловажные причины – нестабильность пространственно-временного континуума на Мараукане и её окрестностях, угрожающая здоровью и жизни туристов, а также полное отсутствие данных о погибшей цивилизации, не позволяющие гидам достоверно осветить быт и культуру исчезнувшего народа. В конце концов фирме «Млечный Путь» удалось-таки пробить свой проект благодаря усилиям опытных юрисконсультов, умело использовавших статистические выкладки смертных случаев во время сафари на диких планетах, а также предоставивших документальные записи пояснений гидов, рассказывающих туристам легенды, ничего общего не имеющие с действительными историческими событиями.

С доводами юрисконсульты фирмы «Млечный Путь» я, в общем-то, согласен – турист не исследователь, ему не нужны достоверные данные, главное – хорошо отдохнуть и получить массу незабываемых радужных впечатлений. Но как раз в том, что турист на Мараукане, какие бы здесь высококлассные туристические комплексы ни возвели, сможет хорошо отдохнуть и получить массу незабываемых впечатлений, я не был уверен. Точнее, неизгладимые впечатления он, скорее всего, получит, но сомневаюсь, что они будут окрашены цветами положительных эмоций. Во всяком случае, я на такой вояж согласился бы только за дополнительные деньги. Что, фактически, и сделал. Но самому платить за посещение Марауканы – увольте!

Вывел меня из размышлений голос секретаря, предупредивший, что оперативное совещание начнётся через пятнадцать минут и состоится оно в зале заседаний на втором ярусе.

Когда я спустился лифтом на второй ярус и вышел в коридор, то увидел, что меня поджидает биокибер. Этакое субтильное создание, похожее на треногую вешалку, выкрашенную в режущий глаз люминофорный оранжевый цвет. Телескопические ручки-ножки, длинное тонкое туловище, увенчанное похжей на стрекозину головой с громадными глазами и маленьким ртом крючком, на который так и хотелось повесить что-нибудь из одежды.

– Доброе утро, Вольдемар, – поздоровался биокибер. – Разрешите вас проводить?

От лифтовой кабины в глубь яруса вёл узкий прямой коридор с бестеневым освещением, и угадать, где находятся двери, а где боковые ответвления, было невозможно. Понятно, что за стенами находились функциональные отсеки платформы, куда доступ имел только обслуживающий персонал биокиберов, но зачем для людей создавать бестеневую лабиринт? Чтобы некомпетентные личности не совали нос, куда не следует?

– Разрешаю, – кивнул я.

– Прошу.

Биокибер махнул рукой влево по коридору и, как только я пошёл в указанном направлении, пристроился сбоку и чуть сзади.

– Направо. Теперь налево... Ещё раз налево...

– А указатели на стенах сделать нельзя? – сварливо поинтересовался я, в очередной раз поворачивая налево, и тут же застыл как вкопанный.

Посреди коридора, метрах в пяти впереди, сидел на задних лапах громадный, никак не меньше метра от пола до холки, серый крысоид. Омерзительно голый хвост перекрывал коридор от стены до стены, а сам крысоид, не обращая ни на кого внимания, прихорашивался, приглаживая передними лапами топорщащуюся шерсть. Слышал, что в трюмах кораблей водятся крысы-мутанты, но никак не ожидал, что они достигают таких размеров.

– Указатели сделать нельзя, – менторским тоном сообщил сбоку биокибер. – Во время движения платформы происходит параметрическое изменение двигательных отсеков, вследствие чего коридоры также меняют направление. Идёмте дальше.

– Куда? – шёпотом спросил я и, не выпуская из поля зрения крысоида, покосился на своего сопровождающего, прикидывая, как бы сподручнее схватить его поперёк туловища, чтобы обороняться, если крысоид вздумает напасть.

– Прямо, – спокойно ответил биокибер.

– А как же... это?

Я указал пальцем на крысоида.

– Что – это? Я ничего не вижу. Коридор пуст.

И только тогда я понял, что передо мной фантом. Весьма обстоятельный и очень натуральный с виду. Напрасно вчера я посчитал команду платформы неврастениками, без разбора палящими по фантомам. Сам чуть не стал махать биокибером, как палицей, направо-налево...

– Ну-ну... – буркнул я и, пересилив себя, пошёл на крысоида. – Нет в коридоре никого, значит, нет...

Крысиный хвост я аккуратно переступил – уж очень он отвратительно выглядел, – а вот в самого крысоида шагнул с мужественной решимостью.

Всё-таки фантомы Марауканы были чем-то большим, чем обычными голограммами. Сердце обмерло, в ушах коротко, по-мышинному, пискнуло, и фантом исчез. Шедший сбоку биокибер дёрнулся, будто споткнулся, и зацепил мой локоть телескопической рукой.

Я подозрительно посмотрел на него.

– Ты что-то заметил?

– Неидентифицируемое явление... – чуть помедлив, сообщил биокибер.

– Что-что? – удивлённо переспросил я.

– Неидентифицируемое явление, – начал обстоятельно пояснять биокибер, – это такое явление, которое не может быть объяснено с точки зрения заложенной в меня программы. Мои фотоэлементы запечатлели в ультрафиолетовой области некий объект в виде неясного пятна. Время экспозиции объекта составляет две миллисекунды. Поскольку момент появления пятна совпал с необъяснимым сбоем энергопитания, изображение объекта не может быть воспроизведено.

– Понятно...

Ответ, по меркам биокибера, был исчерпывающ, и большего от него не добиться. Придётся самому голову ломать, хотя, скорее всего, не я первый столкнулся с подобным явлением. Надо поспрашивать...

– Веди, Сусанин, – буркнул я и зашагал вперёд.

До зала заседаний мы добрались без приключений, я кивнул на прощание биокиберу и открыл дверь.

В небольшом зале за длинным столом в полном сборе сидела команда платформы и что-то оживлённо обсуждала. При моём появлении обсуждение оборвалось, и все дружно посмотрели на меня.

– Здравствуйте... – смущённо пробормотал я, обескураженный всеобщим вниманием.

Никто не ответил, все продолжали молча смотреть на меня.

– Извините за опоздание...

– Вы не опоздали – сейчас ровно девять часов, – бесстрастно заметил коммодор.

Он и координатор Тулий сидели в торце стола, остальные – вдоль, друг напротив друга. Тринадцать человек в оранжевых комбинезонах, и один, сидящий у противоположного от коммодора края напротив Энтони Холодкова, в синем комбинезоне десантника. Этот четырнадцатый, в отличие от всех, глядел не на меня, а в сторону, и лицо у него было серо-синим, под цвет комбинезона. Но самое главное – его лицо было моим лицом.

– Кто это? – оторопело спросил я, не сводя взгляда со своего синюшного подобия.

– Это? – фыркнул Энтони. – Это ваш инверт. Сквозь фантом проходили? Извольте расписаться в получении!

Я совсем растерялся.

– И что теперь делать?

– Что делать? Никогда больше не ходить сквозь фантомы!

Я приблизился к столу, внимательно вглядываясь в мёртвенно-синее лицо инверта. Он сидел неподвижно, как истукан, и, в отличие от крысоида в коридоре, не дышал. Как настоящий труп.

– Вы должны совершить обратную инверсию, – подсказал Эстасио. – Садитесь в него, иначе никогда не избавитесь.

Я с недоверием посмотрел на маршрутного сценариста. В глазах негра светилось понимание и сочувствие. Тогда я обошёл вокруг стола, приблизился к инверту и на мгновение замешкался. Казалось, от него веет холодом, как от мертвеца, но, скорее всего, ощущение было инстинктивным, навеянным зрительным восприятием, так как, садясь на стул и совмещаясь с инвертом, холода я не ощутил.

В глазах мигнула неяркая вспышка, в ушах снова, как при прохождении фантома крысоида, по-мышинному пискнуло, и инверт с тихим шелестом лопнул, рассыпавшись по полу белесыми, быстро скачущими в разные стороны шариками.

И тотчас над столом с раздирающим ушные перепонки громом полыхнула молния разрядника.

– Эх, опять не попал! – сокрушённо помотал головой Эстасио, поводя дулом разрядника. Белесые шарики рассыпавшегося инверта исчезли, словно растворившись в воздухе.

– Что за детский сад?! – взорвался коммодор, ударив ладонью по столу. – Вы что себе позволяете?!

– Не кипятись, Гримур, – пожал плечами Эстасио, убирая под стол руку с разрядником. – Надо же образец получить, а тут удобный случай представился...

– Здесь я вам не Гримур, а коммодор Гримур! – отчеканил коммодор и, болезненно поморщившись, прикрыл глаза солнцезащитными очками-консервами. – Извольте охотиться в нерабочее время только на верхнем ярусе и вне помещений! Своим выстрелом вы могли повредить аппаратуру!

– Я отрегулировал дальность разряда... – попытался оправдаться Эстасио.

– Всё, – отрезал коммодор. – Инцидент исчерпан. Начинаем работу. – Его лицо вновь приобрело выражение невозмутимости. – Прошу вас, координатор, – кивнул он сидящему рядом Ктесию.

– Постараюсь быть кратким, – начал Ктесий. – Поскольку с проектом сети туркомплексов на Мараукане все ознакомлены заранее и каждый знает круг своих служебных обязанностей, я не буду останавливаться на достоинствах и недостатках проекта. Мы здесь собрались не для того, чтобы обсуждать проект, а чтобы претворять его в жизнь. Поэтому предлагаю начать с рекогносцировки на местности. Возражения есть?

Никто не проронил ни слова.

– Хорошо, – кивнул Ктесий. Он выдвинул из стола пульт и защёлкал клавишами. – Для начала рассмотрим карту...

Над столешницей возникла призрачная панорама части поверхности Марауканы.

– Всем видно?

Пытаясь избавиться от звона в ушах после грома разрядника, я некстати повёл головой.

– Что-то не так, Вольдемар?

– Нет-нет, всё нормально... Это к делу не относится. Продолжайте.

Сидящая рядом Ютта заглянула мне в глаза, положила ладонь на мою руку и сочувственно сжала.

– Спасибо, – шепнул я.

Она кивнула и убрала руку.

– Здесь в настоящее время находится наша платформа, – сказал Ктесий, и на карте появилась светящаяся красная стрелочка. – В шестидесяти километрах на юго-восток расположен объект номер восемь, условно именуемый по каталогу «Усечённой Пирамидой». В сто двадцати километрах на север – объект номер десять или «Храмовый Комплекс». В сорока двух километрах на северо-северо-запад находится объект номер один или «Руины Мегаполиса». По генеральному плану застройки мы должны начать работы с возведения центрального туристического комплекса у объекта номер один. Однако, после детального анализа ситуации на Мараукане, было решено внести коррективы в генеральный план организации сети туристических баз на планете и начать с объекта номер восемь...

– Чёрт знает что! – возмутился экзоархеолог Тумаду. – Руины Мегаполиса представляют собой наиболее значительный археологический объект, а мы начинаем исследования чуть ли не с самого маленького! Кроме того, Усечённую Пирамиду досконально исследовала экспедиция стапульцев, и никаких остатков цивилизации, кроме самой пирамиды, не обнаружила. В то время как в Руинах Мегаполиса имеются громадные площади культурного слоя...

– Не манкируйте фактами! – ввязалась в перепалку экзоархеолог Леонора Мшински. – Под Усечённой Пирамидой обнаружена сложная сеть катакомб, которую стапульцы не исследовали! Вы находитесь в плену собственной теории антропоморфизма аборигенов и ради этого готовы пренебречь...

– Стоп! – снова повысив голос, прервал спорящих коммодор. – Я не допущу балагана во время совещаний. Не знаю, да и не желаю знать, как у вас, в Майлетском Ксеноисторическом Центре, ведутся дебаты, но здесь будет по-моему. Устанавливаю следующий порядок: основной докладчик сообщает вводную, затем ему задают вопросы, и только после этого начинается обсуждение проблемы. Прошу не перебивать друг друга, не допускать реплик, а своё мнение высказывать в максимально корректной форме.

– Но... – попыталась вставить слово Мшински.

– Всё! – оборвал её коммодор, и внушительно хлопнул ладонью о стол. Будто печать поставил. – С этой минуты это закон. Продолжайте, координатор.

– Поддерживаю commodора, – сказал Ктесий. – Если бы вы дослушали вводную информацию, никакой перепалки не случилось бы... Итак, продолжаю. Основной нашей задачей на Мараукане является строительство комфортабельных турбаз, связанных между собой разветвлённой сетью туристических маршрутов, а археологические исследования – это сопутствующая составляющая, немаловажная, но никоим образом не первостепенная. Ввиду того, что проект не подкреплён достаточно обоснованными геодезическими изысканиями, а в него вложены огромные ассигнования, решено начать пробное строительство с небольшого объекта, чтобы затем, в случае положительного результата, приступить к осуществлению проекта в полном объёме. Изменения в ходе работ согласованы с Уэлем Аоруином, полномочным инспектором Галактического Союза, находящимся на нашей платформе, и утверждены советом директоров фирмы-заказчика.

Ктесий сделал паузу, обвёл присутствующих взглядом и неожиданно усмехнулся.

– Я обещал быть кратким и сдержал своё обещание. Это, практически, всё, что я хотел сообщить. Вопросы есть?

– Имеются, – нервно подал голос архитектор Хорхе Чивер. – Что вы подразумеваете под положительным результатом, и что произойдёт, если результат окажется отрицательным?

– Успокойтесь, Хорхе, – улыбнулся Ктесий. – Под отрицательным результатом подразумеваются вовсе не эстетические характеристики зданий и сооружений туркомплексов – для их оценки в штатном расписании есть дизайнер. Имеется в виду топологическая нестабильность метрики пространства на Мараукане, из-за которой все сооружения могут превратиться в пыль. Если такое случится, мы будем вынуждены прекратить работы и свернуть проект. Ещё вопросы есть?

Вопросов не было.

– Тогда приступим к работе, – взял слово commodор. – Навигатор Корти Ньюмен, прошу вас через полчаса активизировать двигательный отсек платформы и направить её к объекту номер восемь. Сколько времени вам потребуется на перемещение платформы?

Корти склонился над картой, оценивая расстояние.

– Шестьдесят километров... – пробормотал он. – Думаю, не больше трёх часов.

– Хорошо. По прибытии на место, попрошу физика-тополога провести исследования по стабильности метрики пространства, а планетолога оценить геологическую структуру района для выбора строительной площадки. Данные нужны к утру.

– Этого времени хватит только на предварительное и весьма общее заключение, – категорически возразил Холодков.

– Мне тоже, – подтвердил я.

– А я пока большего и не требую, – развёл руками commodор. – Эти данные нужны для того, чтобы завтра и остальные члены команды включились в работу. Ещё вопросы будут? Тогда совещание закончено.

– Стоило ли из-за этого собираться... – недовольно поморщившись, пробурчала Ютта.

– Что вы сказали? – переспросил Гримур. Слух у него оказался острым.

– Я сказала, – без тени смущения Ютта посмотрела в глаза commodора, – что если все совещания будут проводиться на волонтаристском уровне, то стоит ли нам собираться здесь? Не лучше ли раздавать указания по селектору?

– Согласен, – кивнул Гримур. – С завтрашнего дня так и будет. Сегодня же я собрал вас исключительно ради того, чтобы все познакомились поближе и почувствовали себя одной командой. Что касается вашего замечания о моём волонтаризме, то прошу учесть, пока я commodор, моё слово будет решающим. На этом всё. Можете расходиться.

– Казарма... – пробормотала, поднимаясь из-за стола, Ютта явно с таким расчётом, чтобы Гримур её услышал.

Коммодор снял очки, глянул на неё тяжёлым взглядом, но ничего не сказал.

Единения крепко спаянной команды, как того желал коммодор, не получилось. Едва мы вышли из зала заседаний, как все молча, не прощаясь, разбрелись каждый в своё ответвление коридора к индивидуальным лифтам. Честно говоря, я тоже не испытывал особого желания разговаривать с кем-нибудь, кивнул на прощание Ютте, которую пропустил вперёд на выходе, но она неожиданно придержала меня за локоть.

– Вольдемар, вы играете в бадминтон?

– Как вам сказать... – смутился я, приостановившись. – В молодости играл. На дилетантском, конечно, уровне.

– Предлагаю поиграть на лужайке.

В этот момент нас догнал Энтони Холодков. Шёл он с улыбкой, протягивая руку для приветствия, но, когда услышал предложение Ютты, улыбка растаяла на губах, и он демонстративно спрятал руку за спину.

– На старичков потянуло... – процедил он, пренебрежительно окидывая меня взглядом сверху донизу. – Ну-ну!

Он обошёл нас и стремительно зашагал дальше по коридору.

Только этого мне не хватало! Не успел прилететь, как тут же попал в интрижку...

Ютта досадливо поморщилась.

– Через полчаса жду вас на лужайке у дома, – сказала она. – Ракетки и воланы я принесу.

– Боюсь, сегодня не получится, – попытался я отказаться. – Вы же слышали, мне предстоит работать.

– Не пытайтесь увильнуть! – рассмеялась Ютта и погрозила пальцем. – До начала вашей работы ещё три часа, а я больше часа у вас не отниму. До скорого!

Она развернулась и пошла по коридору в противоположную сторону.

Я проводил её взглядом. Фигура у Ютты была как у манекенщицы. Лицо, правда, ординарное – в толпе и внимания не обратишь. Но минуту назад, когда она смеялась, искренне, по-девчоночьи, – лицо преобразилось и стало необычно привлекательным. У каждой женщины свои загадки, но сейчас в Ютте меня интересовала лишь одна: кто из нас больше хотел познакомиться друг с другом – я или она? Кому из нас это больше нужно?

Поднявшись в свой коттедж на лифте, я заказал секретарю теннисные туфли, шорты и футболку, и через пять минут вынул из приёмника одежного шкафа спортивную форму. Теннисные туфли были оранжевыми, а одежда – в мелкую и тоже оранжевую полоску. Пожалуй, такое цветовое однообразие за год порядком поднадоест: комбинезоны – оранжевые, бикиберы – оранжевые... Как это там в детской песенке поётся: «Оранжевые кибы, оранжевые люди, оранжевый вербл...» то есть кугуар. Впрочем, кугуар был песочного цвета. Но тут я вспомнил фантом крысоида и решил, что с таким однообразием можно мириться.

Как только я переоделся и вышел на порог, на меня, скуля и повизгивая в порыве собачьей преданности, набросился Куги и чуть не сбил с ног. Лёгкок на помине. Будь у него язык, непременно бы облизал с головы до ног. Вчера вечером, в надежде, что на ночь он вернётся к своему хозяину, я не пустил его в коттедж, но Куги, по-видимому, ночевал на крыльце, потому что полночи снаружи доносились скулёж и царапанье в дверь. Спрашивается, чем можно царапаться при полном отсутствии не только когтей, но и лап?

– Куги хороший! – потрепал я кугуара за складки кожи и милостиво разрешил ему заглотить правую руку по локоть. Радости кугуара не было границ – понятное дело, основной инстинкт плеширского хищника, а не привнесённые при создании имитанта собачьи повадки. Как говорится, хлебом не корми, а дай что-нибудь заглотать.

В таком виде, с висющим на руке кугуаром, повизгивающим от удовольствия, я и появился на лужайке между коттеджами, где меня поджидала Ютта.

– Вы что, имитантом вместо ракетки играть будете? – фыркнула она.

– Это наш судья, – объявил я, стряхивая кугуара на траву. – Будет следить за правилами... Куги, сидеть!

Сидеть смирно у кугуара не получилось – всё-таки зверь, а не дрессированная собака, – и он радостно запрыгал гармошкой вокруг нас.

Мы с Юттой посмотрели друг на друга и дружно рассмеялись. На ней были такие же оранжевые теннисные туфли и шорты с блузкой в оранжевую полоску.

– В такой форме нам в паре играть нужно, а не соперниками, – сказал я.

– Это точно, – согласилась Ютта. – Стереотип программы системы обеспечения. Между прочим, в качестве отличительных от фантомов признаков можно использовать также красный и жёлтый цвета.

– Откуда такая уверенность?

– Вы забываете, что я всё-таки ксенолог. Фантомы, подобно дальтоникам, не воспринимают низкочастотные цвета видимого спектра, поэтому и не могут их воспроизвести.

Она расчихлила ракетки и одну подала мне.

– Начнём?

– Попробуем... – с сомнением поправил я. – Эх, тряхну стариной!

– Не прибедняйтесь. – Ютта окинула меня оценивающим взглядом. – Вы ещё ничего... Жирок с живота убрать, и будете, как говорится, «мужчина в полном расцвете сил».

– То есть чуть-чуть лучше рухляди.

– Не надо кокетничать, Вольдемар, – пристыдила Ютта. – Мужчине это не к лицу. Кстати, воланы у меня утяжелённые, поэтому летят далеко и быстро.

Она отошла метров на пятнадцать и уже собиралась подбросить волан в воздух для удара, как лужайка под ногами дрогнула, и инерция, вызванная началом движения платформы, заставила нас наклониться. Навигатор Корти Ньюмен активизировал двигатели платформы и направил её к «Усечённой Пирамиде».

Пришлось переждать пару минут, пока платформа не вышла на крейсерскую скорость, и положение не стабилизировалось.

Начали мы игру явно в щадящем режиме, однако я, вначале пару раз промазав по волану, в конце концов размялся и стал играть вполне прилично. Оказывается, разучиться играть в бадминтон так же невозможно, как ездить на велосипеде. Почувствовав во мне сносного игрока, Ютта разошлась и начала играть в полную силу. Играла она мастерски, била с правой руки, с левой, снизу, сверху, отражала удары в прыжке и загоняла меня до такой степени, что пот струился по телу ручьями.

Но больше всех игра, по-моему, понравилась Куги. Судья из него получился равно в такой же степени, как и выполнение команды сидеть смирно. Вначале он пытался с визгом гоняться за воланом от меня к Ютте, но, поняв, что за скоростным утяжелённым воланом явно не поспевает, изменил тактику и принялся прыгать вокруг меня, карауля промахи и на лету заглатывая воланы, которых я не доставал.

Когда он проглотил пятый, оказалось, что воланов больше нет.

– Конец игре, – тяжело дыша, сказал я, бросил ракетку и уселся на траву. – Сдаюсь.

– Ну, уж нет! – протестовала Ютта. – Вы обещали час игры, осталось пятнадцать минут. Доставайте из него воланы!

– Обещал? – безмерно удивился я, вытирая пот платком, который мгновенно стал насквозь мокрым. – Когда же это?

– Когда я предложила поиграть часок в бадминтон, вы не возражали!

Я не стал протестовать и доказывать, что между «обещать» и «не возражать» большая разница. Против женской логики мужчины бессильны.

– Иди сюда, Куги, – обречённо вздохнув, позвал я.

Куги в два прыжка подскочил ко мне и замер напротив, озорно заглядывая в глаза.

– Выплюнь воланы, – попросил я.

Куги отрицательно замотал головой. Получилось смешно, будто в кукольном театре.

– Ага, значит, речь понимаешь... Я так и предполагал... – Ухватив кугуара за загривок, подтянул к себе и приказал: – Открой пасть и выплюнь каку!

Куги вновь замотал головой и попытался вырваться, но я держал крепко.

– Что за упрямая скотина... У тебя от воланов несварение желудка будет.

Я попытался разжать челюсти руками, но это было всё равно, что разжимать медвежий капкан.

– Цирковой номер репетируете? – фыркнула Ютта.

– Пытаюсь исполнить желание дамы, – пояснил я. – Слышишь, Куги, дама просит вернуть воланы...

Держа кугуара одной рукой за загривок, другой я принялся чесать ему подбородок. Куги обмяк, закатил глаза, удовлетворённо заурчал, и пасть от удовольствия приоткрылась. Не мешкая, я сунул в пасть руку. Куги дёрнулся, поняв, что его провели, но было поздно.

– Сиди смирно, а то выверну наизнанку, – предупредил я.

Не будучи уверенным, что удастся вытащить воланы по одному, я нащупал их все, зажал перья в кулак и только тогда выдернул руку.

– Держите, – сказал я, передавая воланы Ютте. – Операция по извлечению инородных тел из желудочного тракта пациента произведена успешно. Он будет жить. Надеюсь.

Конечно, я утрировал, никакого желудочного тракта у имитанта не было и не могло быть. Так, мешок для сбора утильсырья.

Я отпустил кугуара и шлепком отправил гулять. Куги обиженно заворчал, и неторопливо запрыгал восвояси.

Однако стоило нам продолжить игру, как он вернулся и снова весело запрыгал вокруг. Отходчивый характер вложил в него Борацци.

После вынужденного перерыва игра у меня расклеилась. То ли пропало желание, то ли устал, но былой радости от игры я не получал. Солнце стояло в зените вечно безоблачного неба, но почему-то казалось, будто свет начинает медленно меркнуть, застилаемый необъяснимой мглой, навеивавшей апатию и безразличие.

– Да что с вами, Вольдемар? – пыталась подбодрить меня Ютта. – Вы как рак варёный... Соберитесь, нельзя же так! Сейчас откроется второе дыхание. Неужели вы не хотите избавиться от жирка?

Второе дыхание категорически не хотело открываться. Куги перехватил один волан, затем подряд второй и третий. За четвёртым он подпрыгнул высоко, метра на два, и уже открыл пасть, чтобы его проглотить, как вдруг сверху на волан спикировала внезапно конденсировавшаяся в бесформенную чёрную кляксу та самая мгла апатии и безразличия, которая мне представлялась миражом моей физической усталости.

Фантом и имитант вцепились в волан с двух сторон, но борьбы за его обладание у них не получилось. Ослепительная молния разрядника с громовым треском ударила в фантома, разорвав его и опалив кугуара. Отброшенный взрывом, Куги с истеричным визгом покатился по траве, гася тлеющую на спине шерсть.

– Попал! Кажется, попал! – заорал Эстасио, выбегая из-за ближайшего коттеджа.

Он добежал до места вспышки, упал на колени и принялся ворошить руками траву.

– Вы с ума сошли, Эстасио! – экспрессивно возмутилась Ютта. – Стрелять так близко... А если бы в нас попали?!

– Но не попал же? – отмахнулся Эстасио. – Сами должны понимать, что такое образец. Вы, в конце концов, ксенолог...

– Пещерный вы человек, – только и нашлась что сказать Ютта.

Я перевёл дух, покрутил головой и сел на траву. Права Ютта, ох, как права! Неврастеники, как я раньше думал о своих новых коллегах, это чересчур мягкое определение.

Скуля и повизгивая от обиды, ко мне подполз Куги и положил голову на колени. Я погладил, стараясь не касаться рыжих подпалин.

– Бедненький... – пожалел его. – Меченый ты теперь под цвет защитной окраски.

Куги жалобно заскулил.

– Отдай, пожалуйста, воланы, – попросил я, и он безропотно выплюнул на траву три волана.

– Это все?

– У-у... – тихонько провыл он.

Оглянувшись, я поискал глазами четвёртый волан на траве. Сжечь в прах молния разрядника его не могла, разве что оплавить. Но ни целого, ни оплавленного волана нигде не было.

– Вот что хотелось бы сказать насчёт красного и жёлтого цветов... – обратился я к Ютте, раздражённо запихивавшей в чехол ракетки. – Фантомы их не могут воспроизвести, но знают ли об этом наши неандертальцы?

Я кивнул в сторону Эстасио, лазающего по траве на четвереньках.

Она подняла голову, но ответить не успела. Лужайка под ногами дрогнула, и инерция останавливающейся платформы, заставила её сесть, а меня сильно наклонила вперёд.

До этого я постоянно находился спиной к движению платформы, поэтому ничего не видел. Но когда оглянулся...

Впереди платформы, закрывая полнеба, висела циклопическая громада Усечённой Пирамиды, чем-то напоминающей абрисом Фудзияму – величественную гору, воздвигнутую богами, у подножья которой, помимо воли, хотелось преклонить колени.

Нет, не почудилась мне мгла, медленно скрадывающая солнце, – на тень от поражающего воображение искусственного сооружения наложилось психокинетическое воздействие конденсирующегося фантома, что и вызвало апатию и безразличие. Но сейчас, когда фантом исчез, ушло и гнетущее чувство безысходности, а его место занял мистический восторг перед нереальным по своим параметрам чужеродным сооружением, в чьё рукотворное происхождение разум отказывался верить.

Глава третья

Вместо обещанных трёх часов, Корти Ньюмен довёл платформу до места за полтора, на практике подтвердив моё нелестное мнение о своей компетентности в качестве навигатора. Настоящий профессионал в подобных случаях ошибается в лучшем случае минут на пять – даже несмотря на то, что управлять платформой несколько иное дело, чем водить грузопассажирские корабли.

Так и не узнав, нашёл ли Эстасио в траве фрагменты фантома, я попрощался с Юттой и направился в свой коттедж. Наспех обмылся под душем, натянул комбинезон и поспешил в лабораторию. Объём работы предстоял большой, и не хотелось выглядеть в глазах коллег такой же посредственностью, как Корти.

Составляя геологическую карту района, я провозился до позднего вечера, скрупулёзно сканируя как саму Пирамиду, так и кору планеты вокруг неё до глубины полукилометра. Оторваться от аппаратуры я не мог, поэтому вместо полноценного обеда пришлось довольствоваться бутербродами и кофе. Высота Пирамиды составляла шесть тысяч двести метров, занимаемая площадь – около пятидесяти квадратных километров. Внутри Пирамида была полой, как колпак, а её стенки, толщиной до пятидесяти метров, оказались из сложного по составу боркремниевого полимера. Непонятно, зачем могло понадобиться подобное сооружение, но ещё большую загадку представлял боркремниевый полимер. Согласно данным сканирования, он обладал чрезвычайно высокой прочностью, но вместе с тем расчёты показывали, что этой прочности недостаточно для того, чтобы такое сооружение имело право на существование. То есть из этого материала Пирамиде не только полагалось давно разрушиться, но её вообще нельзя было построить! Тем не менее, она стояла, и, мало того, просуществовала, согласно данным предыдущих экспедиций Галактического Союза, более миллиона лет.

Данные о возрасте Пирамиды также вызывали недоумение. По результатам структурного сканирования боркремниевого полимера, её возраст не превышал полутора тысяч лет, в то время как в отчётах предыдущих экспедиций возведение искусственных сооружений на Мараукане датировалось в пределах миллиона – миллиона двухсот тысяч лет тому назад (причём, самым «молодым» строением как раз и являлась Пирамида – миллион плюс-минус десять тысяч лет). Даже если пренебречь результатами структурного анализа, такого просто не могло быть. За миллион лет естественные базальты только за счёт элементарной диффузии (без учёта ветровой эрозии, практически отсутствующей на Мараукане) превращаются на открытом воздухе в пыль, что тогда говорить об искусственном боркремниевом полимере... Правильней было бы назвать объект номер восемь не «Усечённой Пирамидой», а «Нонсенсом» или «Казусом».

Впрочем, все эти загадки не имели отношения к моей непосредственной работе, как и разветвлённая сеть искусственных туннелей, зафиксированная зондированием фундамента полый Пирамиды.

Поверхность Марауканы представляла собой сплошное плато из искусственного пеносиликата, кое-где достигавшего трёхкилометровой толщи. Исключение составляли лишь горная гряда у северного полюса и дно фторсиликонового моря. Местами плато испещряли глубокие каньоны, очень похожие на тектонические разломы, но, по мнению многих исследователей, каньоны на самом деле являлись побочным эффектом всё ещё функционирующих в автоматическом режиме установок марауканцев, изменяющих метрику пространства. За миллион лет (в отношении пеносиликата структурный анализ подтверждал этот возраст) и без того недостаточно прочный пеносиликат разрушался на поверхности в аморфную пыль, обладавшую заданными при синтезе метастабильными свойствами.

Можно часами ходить по плато, месить ногами вязкую высокодисперсную пыль, и ничего особенного не произойдёт, разве что провалишься в неё, как в болото, на месте засыпанных за прошедшие века древних разломов. Но иногда малейшее прикосновение к метастабильной пыли мгновенно превращало её в пенобетон. Существовало несколько теорий, зачем маракуанцы залили в своё время планету коркой самовосстанавливающегося пеносиликата, но в данный момент ни одна из них меня не интересовала. Пеносиликат не годился в качестве фундамента для туристического комплекса – следовало искать выходы к поверхности естественных горных пород. Но только поздним вечером в трёх километрах на северо-восток от Пирамиды я обнаружил выход к поверхности базальтовой плиты. Вершина плиты залегала на глубине от десяти до двадцати метров и занимала площадь около двух тысяч квадратных метров. Вполне достаточная площадка для строительства туристического комплекса.

Полдела было сделано. Завтра предстояло провести на местности геодезическую разметку, но это уже детали.

Отключив аппаратуру, я блаженно потянулся и заказал секретарю кофе. Давно напряжённо не работал и устал изрядно. Будь это на Земле, зашёл бы в бар, выпил рюмку-другую, расслабился, отдохнул... Здесь же навязываться в гости к кому-нибудь не хотелось, а в одиночку я пить не умел.

Попивая кофе, я подошёл к окну. Солнце уже село, и над горизонтом белела узенькая полоска блеклой угасающей зари. Соврал я вчера Ютте – никакой красоты на Мараукане не наблюдалось. А дух у меня захватывало от жути высотобоязни и её преодоления. Преодоление своих недостатков всегда порождает возвышенные чувства.

Вполне возможно, что и сегодня вечером Ютта сидела на краю платформы, зачаровано созерцая круговращение светотеней на плато, создающее иллюзию жизни. Но когда тьма опустилась на планету, Ютта ушла.

Внезапно я поймал себя на мысли, что с гораздо большим удовольствием, чем вчера, сидел бы сейчас с ней на краю платформы, свесив ноги. Темнота притупляет врождённые фобии и делает людей ближе.

Я представил, как мы сидим на краю и, запрокинув головы, смотрим на звёзды... И хмыкнул. Размечтался. Старость подкрадывается, что ли, если появляется тоска по юношеской романтике? Недаром говорят: что старый, что малый...

В окнах коттеджа Ютты свет не горел – то ли ушла к кому-то в гости, то ли опустила жалюзи, то ли легла спать.

Допив кофе, я отправил чашку в утилизатор и вышел из коттеджа. Куги, прикорнувший на крыльце, обрадовано вскочил и запрыгал вокруг меня. Я сел на ступеньки, запрокинул голову и посмотрел на небо. Звёзды просматривались только в зените: сзади небосвод закрывал коттедж, а спереди – чёрная трапеция Усечённой Пирамиды. Куги не стал класть голову мне на колени, а сел рядом. Скосив на него глаза, я увидел, что он, тоже подняв голову, смотрит на небо. Тогда я не выдержал и расхохотался. Вот тебе и вся романтика... Хороша пара!

– Ладно уж, – сказал кугуару и потрепал его за загривок, – если не идёшь ночевать к хозяину, будешь спать у меня. Попробую, что ты за подушка.

В некоторых коттеджах горел свет, в некоторых – нет, и зелёное поле между домами представлялось в ночи слабоосвещённой улицей земного посёлка, расположенного у самого подножья Фудзиямы. В полумраке перспектива скрадывалась, и казалось, что «улица» заканчивается у самой горы, хотя между платформой и Пирамидой было не менее километра. А над всем над этим, усиленный ночной акустикой, катился волнами неумолчный рокот марауканского прибоа.

В крайних коттеджах на противоположном конце платформы свет не горел, однако света из окон других домиков хватило, чтобы различить, как там, выскочив из-за коттеджей,

стремительно метнулась тень, пробежала за околицу воображаемого посёлка и сгнула у подножья горы, спрыгнув с платформы.

Умиротворённую созерцательность как ветром сдуло. Так шустро бегать человек не мог, а в то, что мне померещилось, я не верил. Куги тоже. Вытянув шею, он замер в напряжённой позе, вглядываясь туда, где мелькнула тень. Как хищник, почуявший добычу.

Я поднялся с крыльца и открыл дверь.

– Куги, идём в дом!

Имитант и ухом не повёл, продолжая неподвижно всматриваться во тьму. Я подхватил его, зашвырнул в прихожую, вошёл следом и закрыл дверь. Куги попытался выскользнуть наружу, но не успел. Тогда он сел на пороге и стал требовательно смотреть то на меня, то на дверь.

– Вот уж нет! – заявил я. – Сиди здесь, если хочешь, но охотиться тебе не позволю. Это не твоя игра.

Пройдя в спальню, я открыл чемодан, достал аптечку и вынул из неё ампулу с фиолетово-кристаллическим порошком, очень похожим на фармакологическую дозу перманганата калия. Подняв рукав комбинезона, скотчем прикрепил ампулу к запястью и снова опустил рукав. Затем попытался представить, как бы поступил на моём месте обыкновенный обыватель, увидев, что из проулка между коттеджами commodora и экзоархеолога Леоноры Мшинской выбегает громадный паук, бежит к краю платформы и сигает вниз? Так и я поступлю – открыто, а потому – нагло.

Куги продолжал нести сторожевую службу у двери, но с собой я его брать не стал – авось, не на охоту направляюсь.

– Оставайся здесь, – приказал, зная, что он меня понимает, – я скоро вернусь.

Отодвинул имитанта ногой, вышел на крыльцо и плотно закрыл за собой дверь. Что удивительно, кугуар и не подумал биться о дверь и жалобно скулить. Похоже, Борацци надели имитанта гораздо большим интеллектом, чем можно было подумать с первого раза.

Шагая к противоположному краю платформы, я вдруг подумал, что для полной идиллии земного посёлка чего-то не хватает. Ночь, звёзды, по сторонам коттеджи со светящимися окнами, трава под ногами, шум прибоя, вроде бы создавали иллюзию ночи в приморском посёлке на Земле, но всё-таки какого-то штриха не доставало. Отнюдь не Луны – причём тут Луна, когда на Земле безлунных ночей хоть отбавляй? И только подойдя к коттеджу commodora, я понял, в чём дело. Для полной иллюзии не хватало запахов моря и звона цикад. Не иллюзия, а выхолощенное подобие, которое уже на второй день начинало надоедать. Впрочем, появилось тут одно хелицерное, но контактировать с ним не хотелось. Особенно тактильно.

Я взшёл на крыльцо и позвонил в дверь. Никто не ответил. Тогда я нажал на кнопку и не отпускал до тех пор, пока из динамика не раздался недовольный голос commodora.

– Кто?

– Планетолог Астаханов. Откройте, commodor, неотложное дело.

– А до утра неотложное дело отложить нельзя? – сухо скаламбурил Гримур. – Я уже лёг спать.

– Боюсь, нельзя.

– Погодите, оденусь...

Возился Гримур никак не меньше десяти минут. Когда он открыл дверь, то предстал передо мной в домашнем халате и босиком, если так можно выразиться о его голых генетически уродливых конечностях. За это время можно было надеть дюжину халатов.

– В чём дело, Вольдемар?

– Я только что видел, как Араней выскочил из коттеджа и спрыгнул с платформы вниз, – оттесняя Гримура, сказал я и переступил порог. – Он сбежал? Или вы его гулять выпускаете?

– Гулять?! – Брови Гримур удивлённо взлетели, но выражение лица осталось беспристрастным. – Что вы, Вольдемар, Араней опасный хищник, а не домашняя собачка, требующая выгула, – снисходительно произнёс он и мягко придержал меня за локоть, но я почувствовал – в случае чего, из его захвата не вырваться. – И сбежать Араней не мог – клетка у него гарантированной прочности, к тому же цельная, без дверцы.

– Вы уверены, что он там? – спросил я, указывая глазами в задёрнутый звукопоглощающей занавесью угол.

– Да. Спит. Ему тоже нужен сон.

С намерено нескрываемым недоверием я посмотрел в глаза коммодора. Он спокойно встретил мой взгляд, и как показалось, в зрачках мигнули смешинки. Как будто Гримур понимал основную цель моего визита и откровенно насмехался.

– Хотите посмотреть?

– Не мешало бы убедиться.

– Тогда погодите минуту, приглушу освещение, – понизив голос, сказал коммодор. – Араней в большей степени, чем я, не переносит яркий свет. Понизить освещённость! – приказал он секретарю коттеджа.

И без того скудное освещение холла померкло до полумрака.

– Только тихо... Не разбудите... – полушёпотом предупредил Гримур, подвёл меня к занавеси и приоткрыл её.

В темноте я с трудом различил прутья клетки, за которыми угадывалась тёмная масса паука с семью тускло-голубыми плашками глаз.

– Убедились? – прошептал Гримур, опуская занавесь и отводя меня к двери. – Восстановить освещение!

– Убедился... – Я изобразил на лице растерянное недоумение. – А что же я тогда видел?

– Эх, Вольдемар, Вольдемар... – покачал головой коммодор. – Обычно люди два раза на одни и те же грабли не наступают.

– Вы хотите сказать... Фантом?!

– Другого объяснения не нахожу.

– Да уж, опростоволосится... Извините, что разбудил из-за пустяка.

– Чего там, бывает...

Гримур взялся свободной рукой за косяк двери, намекая, что пора бы и честь знать, но я, будто не замечая, продолжал оправдываться:

– Понимаете, закончил сканирование грунтов, вышел на свежий воздух... А тут...

Уловка сработала.

– Не хотите ли выпить? – предложил Гримур, меняя тему разговора. Определённо, продолжать беседу об Аранее он не желал. Мало того, хотел отвлечь моё внимание.

– Выпить?.. В общем-то, не против... Но вы же спать ложились?

– После вашего визита вряд ли сразу усну. А спиртное – хорошее снотворное.

Гримур увлёк меня к бару у противоположной стены холла и только здесь, наконец, отпустил мой локоть.

– Присаживайтесь. Что будете – виски, водку, коньяк?

– А чей у вас коньяк? – спросил я, вспомнив, как на этом самом месте координатор Ктесий угощал меня аристонским кофе. Я не гурман, чтобы вкушать экзотические напитки, имеющие мало общего с земными прототипами.

– Всё спиртное у меня с Земли.

– Тогда коньяк, – согласился я, сел на диван и поддёрнул рукава комбинезона. Ампула на запястье раскрылась, и кристаллики полиморфного трансформера посыпались за обшлаг.

Пока Гримур наливал мне коньяк, а себе готовил виски со льдом, я опустил руку, чтобы кристаллы из рукава высыпались на пол. Ничего страшного, если высыплются не все – кри-

сталлические миничипы самопроизвольно дублировались, и уже десяти процентов объёма ампулы хватало для нормальной работы трансформера.

– Прошу. – Гримур протянул мне рюмку с коньяком, сел в кресло напротив и пригубил виски. – И каковы же результаты сканирования грунта? Нашли подходящую площадку для строительства туркомплекса?

Коммодор целенаправленно уводил разговор в сторону от Аранея.

Я отпил из рюмки и сделал вид, что расслабился.

– Да. В трёх километрах на северо-восток от Пирамиды есть выход к поверхности базальта.

– В трёх километрах? – Гримур покачал головой. – Далековато...

– Ближе ничего нет. Зато площадь плиты позволяет разместить на ней туркомплекс самого высокого разряда. И залегание плиты под поверхностью пеносиликата не более двадцати метров.

Гримур покивал с отсутствующим видом, отпил из стакана, затем взял пульт и опустил над журнальным столиком экран. Экран мигнул, на долю секунды на нём высветилось изображение какой-то схемы, но она тут же сменилась панорамой вокруг Усечённой Пирамиды.

– Где это?

– Позвольте... – Я взял пульт, связался со своим коттеджем и вывел на экран результаты геологической съёмки.

– Вот здесь... Это выход базальта... А это – ориентировочная площадка под застройку...

– Понятно. Но всё-таки далеко от объекта. Вы не пробовали просчитать возможность строительства туркомплекса непосредственно на склоне Пирамиды?

– На склоне Пирамиды? – безмерно удивился я.

– А почему бы и нет? – пожал плечами Гримур и выжидающе посмотрел на меня.

– Ну... Во-первых, это всё-таки историко-археологический объект. Вряд ли нам удастся согласовать такое строительство с инспектором Галактического Союза...

– Допустим, нам удастся согласовать вопрос строительства. – Гримур отвёл взгляд и принялся внимательно рассматривать кубики льда в стакане, вращая его перед глазами. Будто ничего более интересного для него не существовало, в том числе и наш разговор. – Тогда что – во-вторых?

Я смешался. Свою игру я закончил и провёл её, на мой взгляд, успешно. Но в какую игру играл со мной коммодор, непонятно. Чувствовалось, что ему глубоко безразлично, где строить туркомплекс – на базальтовой плите или на склоне Пирамиды. Тогда зачем все эти вопросы? Для поддержания беседы? А сама беседа зачем? Ради того, чтобы нивелировать моё впечатление от увиденного фантома Аранея? Мелковато...

– Во-вторых, – сказал я, – основной моей задачей является поиск прочного основания для фундамента туркомплекса. Корпус полый Пирамиды не отвечает этим требованиям.

– А каким требованиям он отвечает?

Гримур снова посмотрел на меня, и впервые я заметил в его глазах проблеск интереса.

– По данным структурного сканирования Усечённая Пирамида давно должна развалиться. Её вообще нельзя было построить из боркремиевого полимера, разве что возводя вокруг какого-то каркаса. Но почему она продолжает стоять, когда каркас убрали, – непостижимо.

– Вот мы и подошли к главному вопросу, – удовлетворённо протянул коммодор. – Пустой мешок, как его ни ставь, никогда стоять не будет. Но стоит его наполнить зерном...

– Слышал я об этой гипотезе, – досадливо поморщился я. – Однако полая Пирамида внутри наполнена таким же атмосферным аргоном, как и вокруг неё. Наполните пустой мешок воздухом – что будет? А все домыслы о праматерии, которая, якобы, заполняет Усе-

чѐнную Пирамиду, но которую наши приборы не могут зарегистрировать, чистой воды вымысел. Нет ни одного факта, подтверждающего столь спекулятивную гипотезу.

– Почему же нет? – возразил Гримур. – Вы определили структурным сканированием возраст Пирамиды?

– Да. Чуть более тысячи лет.

– Неправильные данные. Вы определяли не возраст Пирамиды, а момент создания структуры боркремниевого полимера, из которого изготовлена Пирамида. А это отнюдь не одно и то же. Нестерианцы определяли возраст Пирамиды темпоральным зондом, и это время составляет более миллиона лет. Как вы это объясните?

Я пожал плечами.

– Надо, всё-таки, читать отчёты предыдущих экспедиций, – покачал головой Гримур. – Или, по крайней мере, более детально изучать свойства структуры исследуемого материала. По данным нестерианцев, диффузия, распад молекулярных связей, минерализация всех материалов искусственных сооружений на Мараукане, кроме пеносиликата, протекает на три порядка медленней, чем в аналогичных материалах в любой другой точке Вселенной. Этим и объясняется, почему остатки цивилизации, исчезнувшей с Марауканы более миллиона лет назад, до сих пор сохранились, а не рассыпались в прах.

– Уж не хотите ли вы сказать, что замедленное течение времени в искусственных сооружениях на Мараукане имеет какое-то отношение к мифической праматерии?

– Как знать? – философски закончил Гримур, допил виски и, перевернув стакан вверх дном, поставил его на журнальный столик. – «Есть многое на свете, друг Горацио, что наши мудрецы умом понять не в силах»... Когда писались эти строки, наши далѐкие предки были уверены, что этот стакан пустой. В отличие от них, мы знаем, что в нём воздух. Быть может, наши потомки смогут с такой же твёрдой уверенностью сказать, что Усечѐнная Пирамида заполнена не только атмосферным аргоном.

– В оригинале окончание цитаты звучит так: «...что неизвестно нашим мудрецам», – поправил я.

– Смотря какой перевод читать.

– Не скажите, не скажите. Между понятиями «незнания» и «невозможностью познания» всё-таки большая разница.

Гримур только загадочно ухмыльнулся. Похоже, он сам переделал цитату и имел в виду именно невозможность познания.

Я допил коньяк и встал.

– Спасибо за угощение. Мне пора.

Вторым красноречивым указанием на дверь я не пренебрѐг. Излишняя навязчивость не только неприятна, но и может вызвать подозрения.

Гримур проводил меня до дверей, но за локоть брать не стал. Однако шѐл так, чтобы всё время быть между мной и задѐрнутой звукопоглощающей занавесью клеткой с Аранеем.

– Всего доброго, – пожелал он на пороге.

– Спокойной ночи. И ещё раз извините.

Коммодор кивнул и закрыл дверь, а я спустился по ступенькам и направился к себе.

Не верил я в нежную заботу Гримура о сне Аранея. Даже у засушенных паукообразных глаза продолжают блестеть, будто стеклянные. А семь глаз, которые я с трудом разглядел в темноте за занавесью, были тусклыми.

Я прошѐл больше половины пути до своего коттеджа, когда меня окликнули.

– Добрый вечер, Вольдемар!

На крыльце своего коттеджа сидел медиколог Борацци, курил трубку и махал мне рукой. Я подошѐл.

– Здравствуйте, Рустам. Травитесь потихоньку?

– Не потихоньку, а напропалую, – поправил он. В отличие от вчерашнего, сегодня у Борацци было прекрасное настроение. Он даже шутил, чего я, исходя из данных представительского досье, за ним не подозревал.

– Может, ещё и наркотики употребляете? – в свою очередь пошутил я. – Говорят, половина медиков этим не брезгует. Свободный доступ, знаете ли...

– Врут! – покачал головой Рустам.

– Ой ли?

– Вне всякого сомнения! – безапелляционно заявил он. – Не половина, а три четверти. Я рассмеялся.

– К сожалению, – вздохнул медиколог, – я принадлежу к четвёртой четверти. Табак и спиртное – вот и все мои грехи. Кстати, не желаете ли по рюмочке?

– Спасибо, нет. Мы только что с коммодором немного выпили, и мне хватит. Завтра с утра на плато работать.

– Пили с Сильвером? Тогда понятно... Где уж нам уж... У него всё спиртное земного производства.

– С Сильвером? – удивлённо переспросил я. – С чего это вы Гримура так называете? Коммодор ведь не седой¹...

– Причём здесь седина? – покосился на меня Борацци, но тут же понял. – Ах, вы об этимологии имени... Не я один, все его так за глаза зовут. Был в древности одноногий пират с таким именем. У Гримура с ним много общего: ходит, будто на костылях, вечно мрачный, живёт в полутьме... Да ещё эта клетка с пауком.

«Надо же, – подумал я, – выходит, не у одного меня возникла ассоциация с романом Стивенсона».

– Между прочим, Вольдемар, вы мне должны бутылку ха-орошего коньяку! – неожиданно заявил Борацци.

– За Куги?

– А за что же ещё? Такое животное дорогого стоит. По-дружески, почти за бесценок уступаю.

– А подушка с антигравитационной прослойкой вас не устроит?

Борацци глубоко затыкнулся, шумно выдохнул, и я понял, почему у него сегодня прекрасное настроение. К запаху табачного дыма примешивался запах перегара.

– Скарედный вы, однако, человек... – иронично заметил он.

– Бутылку так бутылку, – согласился я. – Но качество не обещаю. Я ещё в свой бар не заглядывал.

– Как минимум, одна бутылка хорошего коньяку должна быть, – заверил Рустам. – Фирма всем презентовала.

– Договорились, – сказал я, протягивая руку для прощания. – Как только, так сразу.

Борацци словно не заметил моей руки.

– А у меня сейчас как раз это самое «только», – сообщил он. – И я не против «сразу».

– Не-ет! – рассмеялся я. – Сейчас не получится. Мне ещё кое-что по работе предстоит сделать. Но за мной не заржавеет.

– Надеюсь... – разочарованно вздохнул медиколог и пожал мою руку. Но не выпустил, а придержал в своей. – Кстати, вы – единственный из персонала, кто ещё не прошёл медицинское обследование.

– Зачем? Я на Земле прошёл все необходимые тесты. Вы получили мою медицинскую карту?

¹ silver (англ.) – серебряный.

– Получил... Но не заглядывал. Я из тех практикующих медикологов, которые не бумагам верят, а собственным глазам.

– А я из тех пациентов, которые обращаются к медикологам только в случае крайней необходимости, – парировал я. Вот уж чего не собирался кому-либо позволить, так это своего медицинского освидетельствования. Разве что в виде трупа.

– Да?

– Да.

Он, наконец, отпустил мою руку.

– А лёгочно-мембранный респиратор вам имплантировали?

– Само собой.

– Тогда – воля ваша...

– Всего доброго, – пожелал я на прощанье.

– Взаимно... – разочарованно вздохнул Борацци.

Проходя мимо коттеджа Ютты, я непроизвольно бросил взгляд на крыльцо. Лучше бы с ней повстречаться, чем с подвыпившим Борацци. Увы...

Куги встретил меня без ожидаемого проявления собачьей преданности. Сонно зевнул, потёрся о ноги и поплёлся за мной в спальню. Понятное дело – экономил полученную от солнца за день энергию, да и создавали его, в общем-то, как подушку для сна. Интересно, если кто-нибудь надумает создать имитанта Аранея, то в качестве чего его можно использовать? Пробки из бутылок вытаскивать и консервы вскрывать? Лапы у него когтистые, а когти острые... Я представил его в роли «официанта» у стола в холле commodora и содрогнулся. Яду гостю в бокал впрыснуть ему будет одно удовольствие.

В спальне я первым делом, чтобы устранить возможность записи моих действий, приказал секретарю коттеджа отключиться, затем вынул из чемодана плоский блок биоэлектронного ассиста и уже собирался включить его, как наткнулся взглядом на забравшегося в кровать Куги. Свернувшись калачиком, он лежал в изголовье на месте подушки и смотрел на меня недоуменным взглядом – мол, чего хозяин медлит, спать пора!

Только его глаз мне и доставало! Разумное объяснение, почему имитант столь стремительно переметнулся от своего хозяина ко мне, я нашёл, но только ли в этом дело? Что-то слишком легко Борацци расстался со своим детищем, «за бесценок» уступив за бутылку. Возможно, я излишне мнителен и ничего подозрительного в действиях медиколога не было, но лучше перестраховаться и убраться от глаз имитанта подальше. Бережёного, как говорили наши предки, и бог бережёт.

– Сейчас приду, – буркнул я Куги и, прихватив блок ассиста, вышел из спальни, плотно прикрыв дверь.

Уединившись в лаборатории, я включил ассист и скрупулёзно проверил, нет ли в коттедже аппаратуры прослушивания и наблюдения. И только убедившись в полной безопасности, связался с кристаллоидным трансформером и активизировал его. Какую-либо особую форму я ему придавать не стал, собрал в шарик величиной не больше горошины, поднял над полом на два метра и вывел передаваемое изображение на экран ассиста. Как и ожидалось, в холле коттеджа commodora царил полный мрак, и пришлось включить инфракрасное видение. В инфракрасном диапазоне всё представляется несколько иначе, чем в обычном свете, поэтому вначале я провёл круговой обзор, чтобы адаптировать восприятие.

Ничего в холле не изменилось, кроме того, что исчезла звукопоглощающая занавесь, закрывавшая клетку с Аранеем. Я медленно провёл трансформер в угол, опустил на полметра ниже и приблизил к клетке. По внешнему виду паука невозможно определить, когда он спит, а когда бодрствует из-за отсутствия век и неподвижных зрачков. Возможно, пауки никогда не спят, возможно, впадают в своеобразное коматозное состояние, когда мозг выключается, и единственным средством общения с внешним миром остаются глаза, выполняющие

охранно-сигнальную функцию, которая включает мозг в момент опасности или появления добычи. Честно сказать, готовясь к миссии, этот вопрос я не прорабатывал, поскольку никак не предполагал, что на Мараукане придётся столкнуться с подобной проблемой.

Осматривая паука, я медленно провёл трансформер вдоль прутьев. Араней сидел неподвижно, но «нарисованные» глаза, казалось, следили за перемещением трансформера, в упор разглядывая меня с экрана ассиста. Известный эффект плоскостного изображения, когда глаза человека с портрета как бы «оживают» и следят за тобой, в какой бы угол комнаты ты ни направился.

Рассмотрев паука спереди, я увёл трансформер влево и направил вниз, под клетку. Но как только трансформер вышел из поля зрения Араней, он молниеносно, как умеют только пауки, развернулся «лицом» ко мне и присел на лапах, приняв атакующую позу паука-волка.

Надеюсь, я среагировал не менее стремительно, чем Араней, и, деактивировав трансформер, рассыпал его на кристаллы. Хотя, если паук не спал, а бодрствовал и видел трансформер в полной темноте, моя стремительность была бесполезной. Вот уж не предполагал, что пауки могут видеть в инфракрасном диапазоне...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.